

СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Сборник докладов межвузовской
научно-практической конференции
(21 декабря 2000 года)

Петропавловск-Камчатский 2001

5Б(03)

Смысловое пространство текста. Сборник докладов межвузовской научно-практической конференции (21 декабря 2000 года).

Сборник статей “Смысловое пространство текста” объединяет исследователей-литературоведов, лингвистов, философов двух университетов: КГПУ и КГТУ. В сборнике представлены разные методы и аспекты анализа художественного текста.

Предназначен аспирантам, преподавателям филологических специальностей высших и средних учебных заведений, студентам гуманитарных факультетов ВУЗов.

ISBN 5-7968-0015-9

© Издательство Камчатского государственного педагогического университета, 2001.

ПРЕДАНИЯ О ТЫЛВАЛЕ. АНАЛИЗ ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЫ ВАРИАНТОВ

Гончарова А.А.,

*кандидат филологических наук, профессор кафедры литературы
Камчатского государственного педагогического университета*

Материалом исследования послужили ительменские предания о Тылвале, записанные в разное время, но в одном географическом месте – Тигильском районе. Это цикл, состоящий из семи вариантов, шесть из которых опубликованы в известном фольклорном сборнике “Сказки и мифы народов Камчатки” [11]. Время записи – 1926 год (3 варианта), 1953 (1 вариант), 1966 (1 вариант), 1968 (1 вариант). Один из вариантов предания ранее был помещен в книге “Сказки народов Севера” [12].

Следует особо выделить вариант предания, записанный в 1994 году на ительменском и русском языках в селе Тигиль, который дает возможность исследовать трансформацию архаических мотивов, относительное изменение структуры сюжета и включение в него различного рода бытовых подробностей взамен мифологических примет¹.

Предания о Тылвале – малоизученная область повествовательного фольклора ительменов, поэтому рассмотрение их в аспекте структурно-генетическом, хотя бы и не в полной мере, представляет несомненный интерес и научную ценность уже потому, что подтверждает выводы ученых, которые занимались проблемами исторической народной прозы других регионов, о единой жанровой структуре преданий. Несмотря на их “принадлежность” различным “этнокультурным и локальным традициям”, предания образуют “своего рода интернациональный арсенал мотивов” [5].

Все семь вариантов этого предания сохранили древнейший мотив необычайной физической силы, который чаще других встречается в эпосе северных народов и происхождением своим связан с охотой и особыми условиями жизни.

Несмотря на то, что народная устная проза изучена основательно, однако еще существует разногласия в выделении жанров и определении их содержательной сути, следовательно, необходимо уточнить терминологию, которая использована в нашей работе.

¹ Выражаю благодарность Правдошиной Л.Е., любезно предоставившей мне этот материал.

Эпические произведения о Тылвале переводчиками называются легендами, составителем сборника и автором вступительной статьи “Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки” Г.А. Меновщиковым “героическими сказаниями” [12, С.38], мы же именуем их преданиями. По крайней мере, три жанра требуют уточнения со стороны их содержания.

Начнем со сказания. “Сказание – в фольклоре общее родовое название повествовательных произведений исторического и легендарного характера. Среди сказаний различают предания, легенды, бывальщины и др.” [3. Т.6, С.878]. Данное определение принадлежит известному фольклористу В.П. Аникину, чью точку зрения разделяют многие ученые. Как видно из этого определения, сказание и предание можно употреблять в качестве синонимов, что нередко встречается в исследованиях о народной прозе. Однако есть и другие подходы к этим фольклорным явлениям, особенно в классификациях фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, а также народов Чукотки и Камчатки.

Так, в солидном академическом труде “Эвенкийские героические сказания” эти жанры различают и намеренно употребляют термин “сказание”, поясняя при этом, что они характеризуются определенной и постоянной структурой, куда входит зачин-вступление, завязка, кульминация, развитие действия, в финале – женитьба и свадебный пир, а затем возвращение “молодой семьи на родину мужа” [8, С.81]. Указывается также, что в “героических сказаниях” всегда “присутствует высокий торжественный стиль”, для них

характерно “сочетание прозаической и ритмико-поэтической форм: ритмико-поэтические части, представляющие собой монологи и диалоги героев, поются, а прозаические – по особому сказываются” [там же].

С этих позиций тексты о Тылвале не могут быть названы героическими сказаниями.

Легенда входит в разряд сказаний по признаку повествовательности и установки на достоверность, но в определении этого жанра много разногласий. Те фольклористы, которые не только тщательно изучали народную прозу, но и сами погружались в ее живую стихию, во многом поддерживают взгляд В.Я. Проппа на легенду, отделяя ее от смежных жанров прежде всего по признаку назидательности, поучения, как главной функции этого жанра. Обосновывая свой взгляд на легенду, В.Я. Пропп писал: “Народная легенда есть прозаический художественный рассказ, обращающийся в народе, содержание которого прямо или косвенно связано с господствующей религией. Для легенды характерна связь не с тотемической или иной добожеской религией (такую связь имеют первобытные мифы) или с религией многобожеской (античные мифы), а с религией единобожеской, каковой в Европе является христианство [10, С.269]. В нашей фольклористике поддержано мнение ученого о том, что это – один из национальных жанров русских, в котором запечатлены нравственно-этические нормы. Сошлюсь, в частности, на фундаментальные работы современного исследователя народной исторической прозы Криничной Н.А. Она пишет: “Суть легенды как фольклорного жанра – в утверждении законов народной традиционной морали. Причем независимо от того, совпадают они с постулатами христианского учения или расходятся с ними” [4, С.19].

Легенду как жанр сомнительно выделять по наличию в ней “чудесного”, “фантастического”, что нередко встречается в ее определении (особенно в современных сборниках, составителями которых являются люди, далекие от фольклора), так как эти признаки весьма относительны в таком древнем пласте фольклора, как народная проза.

Термин “предание” неоднократно упоминается в трудах А.Н. Веселовского, но не в значении жанра повествовательной народной прозы. “Предания – это своеобразные “типичные схемы”, захватывающие положения бытовой действительности”, “схемы”, передававшиеся в ряду поколений как готовые формулы, способные оживиться новым настроением”. “Это предание ... служило когда-то естественным выражением собирательной психики и соответствующих ее бытовых условий на первых порах человеческого общежития [2, С.300].

В связи с преданием (в этом значении) А.Н. Веселовский рассматривает сюжет и мотив, понимая под сюжетом комплекс мотивов.

Предание в понимании ученого, имеет прямое отношение к преданию как жанру, так как оно и формируется на основе “передавания” из поколения в поколение истинности какого-либо события, важного для данного рода, племени, в дальнейшем – этноса.

Все это, без сомнения, в дальнейшем учитывалось фольклористами, что без труда просматривается в работах В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, Б.Н. Путилова, Ю.И. Юдина, Н.А. Криничной и др.

Жанровыми признаками предания будет непременно приуроченность его к определенному месту, региону; относительная локальность его очевидна. Однако это не только не исключает сюжетов и мотивов преданий разных регионов, а, напротив, эта общность и составляет основу жанра. Академик Веселовский объяснял это сходство не заимствованием, “а однородностью бытовых условий и отложившихся в них психических процессов” [там же].

Народной прозой, в частности, преданиями занимались такие известные фольклористы, как В.К. Соколова, С.М. Азбелев, А.И. Лазарев и др. Особое место, на наш взгляд, занимают труды Н.А. Криничной, которая тщательно исследовала этот жанр на

обширном материале большого региона Русского Севера, результатом этой работы стал указатель “типов, мотивов и основных элементов преданий данной местности”. Исследователь дает определение предания, которое охватывает жанр со всех сторон: “Предания – это устные прозаические произведения, которые своей исторической основой и реалиями связаны с социально-общественной жизнью и историей определенной локально и социально ограниченной общности (род, соседская община, деревня, город, профессиональное объединение), представленной на той или иной стадии общественного развития, а по своей структуре соотносятся с мифом о тотемном предке, давшем в процессе эволюции “многочисленные” разветвления, “отпочкования”, модификации и производные от них образования [5, С.3].

Классификация фольклора любого народа – задача не из легких, когда же речь идет об эпосе архаическом, трудности возрастают.

В повествовательном фольклоре народов Чукотки и Камчатки выделяется пласт устной народной прозы, который представлен сказочной и несказочной прозой, разумеется, с учетом специфики сознания данных этнических групп.

Так, на основе имеющихся классификаций Т.Богораза, С.Н.Стебницкого, Л.В.Беликова, Г.А. Меновщиков выделяет следующие виды несказочной прозы: “мифические (или космогонические) предания”, “исторические предания”, “героические сказания”. Как видим, ученый выделяет жанры “предания” и “сказания” как самостоятельные, тем более, что Г.А. Меновщиков указывает на содержательное и формальное их различие.

По мнению Г.А. Меновщикова, различие между “героическими сказаниями” и “историческими преданиями” состоит в следующем: “... предания отличаются от героических сказаний тем, что в них вместо эпически-приподнятого изображения борьбы отдельных героев с иноплеменниками или местными врагами дается описание конкретного события без концентрации внимания на действиях одного героя... Характерной особенностью исторических преданий часто выступает массовый героизм народа в борьбе с врагом... события прошлого не обросли элементами эпического и фантастического” [11, С.39].

Совсем не убедительным, на наш взгляд, является утверждение ученого о том, что “жанр героических сказаний” мог “развиться” из исторических преданий” [там же].

Известно, что жанр – категория историческая и достаточно устойчивая (с учетом, разумеется, модификаций), поэтому в дальнейшем мы обратим внимание на компоненты этой устойчивости, а также её специфику, связанную с архаичностью фольклора данного региона.

В работе мы сознательно употребляем термин “предание”, считая, что по всем признакам данные тексты соответствуют именно этому жанру.

Все семь вариантов преданий о Тылвале объединяются в сюжетный цикл по наличию в них одного главного героя, обозначенного в их названиях, по сходству мотивов и функций-действий субъекта (Тылвала). Архаичность культуры палеоазиатской группы народов, к которой относятся и ительмены, определила и ряд существенных отличий преданий о Тылвале в сравнении с преданиями других этносов.

Нерасчлененность протоэпических форм – исконное свойство подобного фольклора; в данном случае это проявилось на уровне взаимодействия жанра предания с волшебнo-героическими сказками и мифами, а вариант записи 1994 года с бытовыми рассказами.

Приметой древности преданий о Тылвале можно считать и то, что в каждом из семи вариантов, сохраняется оппозиция “свой - чужой”, которая, как и многие другие оппозиции, фольклористами всего мира отнесена к универсальной, ведущей начало от мифического сознания [6].

Если предания о Тылвале рассмотреть генетически и с учетом того, как складываются жанры мирового фольклора, то положительный герой Тылвал имеет прямое отношение “к предку-родоначальнику (позднее вождю, царю)” [6].

Соответственно, и враг тоже видоизменяется: мифическое существо заменяется в поздних преданиях этническим или иным врагом. Данные предания отнесены нами к преданиям о силачах (богатырях), тип мотива – проявление необычайной физической силы.

В структуре преданий о Тылвале “свой” неизменно представлен только одним Тылвалом, хотя в некоторых вариантах есть и другие “свои” - “жена и ребёнок” (вар.№6), “мать и отец” (вар.№7), но в сюжете предания у них нет каких-либо закрепленных функций – действий.

Предания о Тылвале подтверждают их этническую принадлежность и четкую локальность. Тылвал в одном из них назван ительменом, в других указывается место, где было его жилище, по тексту “рассыпаны” географические приметы – названия мест, сопок, рек, именуется он и Тылвал – “седанкинский”.

“Чужой” в указанной оппозиции в четырех вариантах выделен этнически и назван “паланский коряк” (вар. №2), “коряк – нехристь с северной стороны” (вар.№3), “нехристи – коряки” (вар.№4), “коряк” (вар.№7).

В других вариантах “чужой” - “человек этот с севера пришел” (вар.№1), “Немал – Человек, который жил за хребтами на северо-восточной стороне”, “настоящий великан” (вар.№6), о чем следует сказать особо. Вариант №6 (“Месь Тылвала”) распадается на два сюжетных звена, общность которых держится на одном типе мотива – проявления необычайной физической силы; в первой части – сила Тылвала проявляется в единоборстве с другими (“чужими”), именуемыми “сильными людьми”, “пришельцами”, “которые искали его” (Тылвала), а во второй части к “чужим” отнесен жених сестры (названный в одном месте “коряком”, снова этническая выделенность).

Отчетливая локальность предания проявилась и в том, что если “чужой” этнически выделен, то это всегда “коряк”. Данные предания, как мы указывали, бытуют только в Тигильском районе; река Тигиль своеобразно отделила территорию ительменов, в текстах указано, что коряки приходят с Севера. “Чужой” отделен от своих и тем, что он – “нехристь”, это интересно в том плане, что действительно, ительмены как люди оседлые больше были подвержены христианизации.

Ительменские предания о Тылвале сохранили и такую архаическую особенность, как ограниченное число персонажей, увеличение их количества разрушило бы его структуру, т.к. введение новых персонажей влечет за собой увеличение функций.

Анализ структуры предания ведется нами с опорой на указатель типов мотивов и основных компонентов, составленный Н.А.Криничной [5].

Термин мотив часто употребляется применительно к фольклору и литературе в самых разных значениях, поэтому требуется его уточнение. Следуя за автором указателя, понимаем под мотивом “сложное структурное единство, в котором определяющая роль принадлежит действию или состоянию, а определяемыми являются субъект, объект, обстоятельства действия или состояния, оказывающие в большей или меньшей степени влияние на основополагающий элемент – предикат” [5, С.11].

Истоки преданий о силачах фольклористы относят к древности, прежде всего потому, что сила – это примета особой выделенности человека, следовательно, наделенный силой, - это не обычный член коллектива, а имеющий отношение к знатному предку, культурному герою. Предания о силачах имеют широкое распространение, встречаются они у всех народов Севера.

В преданиях о Тылвале нет прямых указаний на то, откуда он получил силу, хотя в преданиях о силачах других регионов нередко указывается, что сила дается от горы, от камня, дерева, воды, огня, земли, иногда от каких-нибудь птиц. Есть и сюжеты, в которых герой приобретает силу, тайно упражняясь в беге, поднятии тяжестей.

Однако в этом цикле встречаются опосредованные приметы того, что Тылвал приобрел силу, возможно, от земли, камня, морских животных. В вариантах упоминается о каменных стрелах, “луке из китового ребра”, юрте, которая “из земли и камней сделана, большая – пребольшая” [12, С.504]. Общеизвестно, например, что фольклорный герой часто по-особому “объединен” то с конем (как богатырь в эпосе), то с орудием труда (“сошка” Микулы Селяниновича), а в данном случае – каменные тяжелые стрелы, особый лук, – это атрибуты охотника, воина, без которых он не может быть победителем “чужого”.

Все варианты преданий о Тылвале, как уже было указано, выше объединены единым типом мотива – проявлением в герое необычайной физической силы. Но тип мотива реализуется в его различных “мотивах – версиях”, древнейшим из которых признается единоборство (поединок) с антагонистом, “чужим”. Мотив единоборства – основной сюжетобразующий мотив в данных преданиях, но не единственный.

Сюжеты преданий осложнены наличием в них семейной линии, в пяти вариантах встречается сестра Тылвала (в последнем – жена), которая по характеру своих поступков включается в разряд “чужого”, “антагониста”, ради “чужого” она изменяет брату, и он вынужден мстить ей. Но в мести сестре и её избранникам тоже проявляется необычайная физическая сила героя.

Сестра выбирает “чужого”, изменяет традициям своего рода, и в коллективном народном сознании не запечатлено сожаления по поводу её страшной смерти, а история подобных смертей не засвидетельствовала.

В преданиях есть отголоски инцеста, древнейшего по своим корням, встречается и архаический мотив сна. Сон – это форма утраты силы, особой незащищенности, временной смерти, именно во время сна Тылвала и действует сестра – изменница.

Рассмотрим, в каких формах проходит поединок Тылвала с антагонистом, как в них реализуется вышеуказанный тип мотива.

Архаичность преданий о Тылвале обнаруживается в тех заданиях, которые тот предлагает своему врагу, они варьируются, но в определенных пределах и сводятся к следующему: преодолеть огромное расстояние за очень короткий срок, поймать медведя (оленья) и принести домой, поднять огромные тяжести (медведя, оленья, дерево), стрелять метко из лука.

Как видим, формы поединка свидетельствуют о том, что мотив необычайной физической силы зародился в древности и связан с охотой, так как именно охотнику необходимы все те качества, которые он проявляет, побеждая своего соперника. При относительно сдержанной эмоциональности, характерной для данного жанра, поединок (а иногда он занимает большую часть текста) воспроизводится необыкновенно ярко, колоритно. В варианте №2, например, Тылвал предлагает “паланскому коряку”, который с ним “бороться пришел”, такое условие: “Бороться будем так: сначала посмотрим, кто первый за дровами на Тальничинскую речку сходит. Ну, побежали” [5, С.498]. Тылвал обогнал коряка, а на обратном пути “взял его на закорки” до своей Круглой сопки донес. Второе и третье задание, как полагается по фольклорным канонам, намного сложнее. Тылвал предложил “чужому”: “на медведя пойдем, голыми руками его брать будем [там же]. Коряк не поймал ни одного медведя, а его соперник “трех медведей принес”. Третье задание ещё более усложнено. Тылвал просит “коряка”, чтобы тот одного медведя схватил “за левую заднюю ногу” и бросил его через спину, “чтоб больше не встал”. Противник не просто не справился, но и

обнаружил трусость, растерянность. Смешная ситуация, в которую попал “чужой”, максимально снижает его образ и возвышает победителя – Тылвала, “своего”.

Снижение образа “чужого” сказалось еще и в том, что спустился он к сопке Тылвала с громким криком и первый объявил, что пришел с ним бороться, и в его торопливости и крике была уверенность в победе. Если коряк “растерялся”, выполняя задание, не за ноги схватил (медведя), а за уши и стал с медведем бороться [там же], то Тылвал “схватил медведюшку за заднюю ногу, бросил его через спину: медведя убил, а коряк далеко в другую сторону отлетел – хорошо, что на мягкое упал” [там же]. Как в русской былине, здесь полная и окончательная победа над “чужим”.

Во всех преданиях сила Тылвала гиперболизирована, а в описании внешности подчеркнута, что он – обыкновенный человек, только в одном варианте (№4) сказано, что он был “большого роста; ноги длинные, шагал он по пятьдесят верст в один шаг [11, С.501].

Вариант №6 (Тылвал и Немал-Человек) тяготеет больше всех к одномотивности, так как здесь нет семейной коллизии, в сюжете отсутствует сестра-изменница, все сосредоточено на проявлении Тылвалом большой физической силы, которая понадобилась для поединка с Немал-Человеком. Заметим, что противником Тылвала-силача здесь оказался великан, это очень важно подчеркнуть и особо выделить. Великаны имеются в фольклоре всех народов, они древнее силачей, в них отразились мифические представления предков, неслучайно во многих мифологиях мира они соотнесены с горами. Наш вариант – не исключение. В нем указывается, что Немал-Человек “жил за хребтами на северо-восточной стороне” [11, С.503]. Функция великана – во что бы то ни стало победить силача, но по законам жанра, Тылвал непобедим. Народ отдает ему предпочтение, так как Тылвал-защитник рода, племени, а великан “чужой” и в сюжете выступает антагонистом.

Во всех вариантах преданий о Тылвале налицо топонимический мотив, который не без основания считается “мигрирующим” (но есть в фольклоре и самостоятельные топонимические предания).

Однако топонимический мотив в данных преданиях важен не меньше, чем вышеуказанные мотивы.

Установка на достоверность как родовое свойство всей несказочной прозы, куда включаются и предания, подчеркнута и топонимическими приметам, в которых по-особому запечатлены следы поступков персонажей предания. “Изменная сопка”, “Песельный березняк” именуется места около Тигиля. Как показывает практика общения с информантами, первым импульсом для рассказывания часто бывают топонимические обозначения.

“Подлинность” событий в ительменских преданиях о Тылвале, как и в преданиях других народов, подтверждается ссылкой на то что, это было – только давно, упоминаются сородичи, которые знали доподлинно, что все это случилось на самом деле, к тому же остались и следы пребывания героев в этой местности.

Ительменские предания о Тылвале включают различные пласты человеческого сознания, в них по-особому спрессовано время. В этой временной слитности обнаруживаются и мифическое, древнее, и современное, бытовое. Они сохранили память о первопредках, о межплеменных и этнических войнах, а также об особых семейных традициях этноса.

Представляет большой интерес подробное рассмотрение структуры варианта №7 (запись 1994 г.), которого мы здесь лишь коснулись, так как именно этот вариант дает повод вести речь о трансформации мотивов, а, возможно, и существенном видоизменении жанра. Можно посмотреть, как распространенный в преданиях мотив единоборства художественно осмыслен в литературе и, в частности, в творчестве Г. Поротова. Но это уже предмет другого исследования.

Литература.

1. Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. – Новосибирск, 1990.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
3. КЛЭ. В 9-ти т.т. – М., 1971. Т.6.
4. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. – Л., 1987.
5. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб, 1991.
6. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М., 1983.
7. Легенды. Предания Бывальщины / Составл., подг., вст. ст. и прим. Н.А. Криничной. – М, 1989.
8. Мыреева А.Н. Эвенкийские героические сказания// В кн.: Эвенкийские героические сказания. Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде. – Новосибирск, 1990.
9. Поротов Г. Из неопубликованного. Осилочек Ехимка. Отрывок из поэмы “Тигильское сказание. – “Абориген Камчатки”, 12 мая 1993.
10. Пропп В.Я. Легенда//Пропп В.Я. Собрание трудов. Поэтика (фольклора). – М., 1998.
11. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. – М., 1974.
12. Сказки народов Севера/Составление, редакция, предисловие и примечания М.Г. Воскобойникова и Г.А. Меновщикова. – М.-Л., 1959.
13. Сказки, легенды и рассказы ительменов. Материалы собраны в 1994 году в селах Тигильского района Камчатки/ Под редакцией Джонатана Бобалика. (Пробное издание).

КУЛЬТУРА КОНТЕКСТА (ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Джавриян Н.Р.,

преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук

Камчатского государственного технического университета

*Постичь все истины, все тайны
Всю мира внутреннюю связь,
Из уст моих чтоб истина лилась,
Ни слов пустых набор случайный.*

ГЕТЕ

В основе современной философии лежат особые умонастроения, которые можно было бы обозначить как философский поворот к языку. Классическая философия недооценивала значения языка для философии, между тем как язык есть одно из основных средств постижения реальности. Именно в XX веке появляются лингвистически ориентированные варианты герменевтики, аналитической философии. Язык для философов данных направлений становится основополагающим явлением в культуре и понимается не только как средство передачи “идей”, но и как автономная сфера, которая обладает не меньшей реальностью, чем сама действительность. Посредством языка актуализируется проблема понимания. Через категорию понимания происходит возвращение языка философии к ее истокам и их переосмысление. Мы всегда начинаем философствовать так, как будто сами хотели сказать или выразить свою мысль, но “философствование начинается не с нуля – ему надлежит возвращать язык философии, отчужденный от сказующего смысла своей речи, к высказыванию того, о чем идет речь”[4, с.15]. По Гадамеру, смысл постигается через языковую форму мысли, а живая речь не должна быть отделенной от содержания. Проблема адекватности сущности вещи и слова как носителя этой сущности была поставлена еще в Античности, сейчас же актуализируется в связи с усложнением культурного пространства, многогранностью культурной жизни XX века, которая требует нового прочтения культурных знаков. Языковые знаки сами по себе менее значимы, чем контекст, который сообщает смысл самим знакам. Характер контекста в герменевтике разнообразен. Контекстом может быть как сам текст, так и мировоззренческие установки автора, культурное пространство. Сама герменевтика как философское направление оформляется не сразу.

Истоки философской герменевтики связаны с греческой и египетской мифологией. Термин герменевтика (от греч. *hermeneutikos*) обозначает искусство толкования, разъяснения, происходит от имени древнегреческого бога Гермеса, сына Зевса и Майи. Гермес- вестник богов, доставляющий людям послания и толковавший эти послания, чтобы сделать их понятными для смертных. Изъявления божественной воли приходят иногда во сне, и Гермес насылает на людей сны с помощью своего жезла. Он также покровитель путников, проводник душ умерших в потусторонний мир.

Гермес – божество не собственно греческого происхождения, а, скорее всего, малоазиатского. Возникновение этого божества относят к фетишистской древности. Имя его понимается как производное от греческого гермы - груды камней, каменный столб, которыми в древности отличались места погребений. Гермы служили путевыми знаками, фетишами - охранителями дорог, границ, ворот. Гермес - мифологический бог, заключающий в себе образ вещи или явления, их **имена**, через изображение и рецитацию вызывающий сам предмет как таковой и позволяющий манипулировать с ним и сопутствующими силами. Не случайно непосредственными атрибутами Гермеса являлись “амбросийные” (бессмертные) крылатые сандалии и золотой жезл- средоточие магической силы. С этим жезлом Гермес выполняет одну из своих древнейших функций: проводника душ умерших в Аид, помощника на пути в царство мертвых. Гермес одинаково вхож в оба мира жизни и смерти, он посредник между тем и другим, так же как и посредник между богами и людьми. В классическую эпоху развития мифологии водительство Гермеса на путях жизни и смерти переосмысливается и

принимает характер покровительства героям. Например, Персею он вручает меч для убийства Медузы, Одиссею открывает тайну волшебной травы, чтобы спастись от колдовства Кирки. Гермес есть охранитель богов во время странствий, ему доступно открыть любые узы незримо. Гермес предстает перед нами в образе, где слиты интуитивное восприятие, непосредственное видение и воображение. Знание Гермеса есть абсолютное постижение космоса, мира людей и вещей.

По греческому мифу, Гермес и Аполлон взаимно обменялись рядом важнейших функций. Согласно мифу, случайно (ибо все случайные находки посылаются Гермесу) найдя черепаху, Гермес впервые изготовил из ее панциря семиструнную лиру и пел под ее аккомпанемент. Аполлон уговорил отдать ему лиру в обмен на коров. В придачу Гермес вручил Аполлону свою свирель, за что получил от того золотой жезл и был им научен искусству гадания. В гаданиях, в ритуалах вещание как голос вещей тождественно совершению того, о чем говорится. Например, в мантике говорят вещи мира: камни, кости, деревья, говорят земля и небеса. Этот пример показывает тесную взаимосвязь вещи-предмета и знака как носителя информации. Каждая вещь-предмет является знаком в определенном культурном контексте. Культурный контекст сообщает смысл бытию вещи. В древнегреческой культуре знаки-вещи сродни слову, так как несут определенную информацию о чем-то. Вещь есть слово. Само слово **вещь** связано через индоевропейские корни с говорением вещей, вещанием (лат. vox- "голос", греч. εἶπος – "слово", древнеинд. Vag- "говорить") [5, с.57-60]. Голос вещей тождественно совершению того, о чем говорится. Каждая вещь в мифологическом мирозерцании имеет определенный смысл, зависящий от включенности данной вещи в космогонический контекст. Каждая вещь является выражением и реальным эквивалентом иного, космического плана силы, сущности, феномена. Все свойства предмета виделись как живые существа, двойники этого предмета. Эти двойники вызывались к жизни через мифологический сказ или деяние, через имя. Имя – это есть то, что возрождает телесное воплощение смысла вещи, ее свойства, тем самым воссоздается сама вещь. Имя есть манифестация внутренней сути явления или существа. Познавая имя, можно проникнуть в суть вещи, следовательно, постичь истину, глубинный смысл явления, вещь в ее цельности, недифференцированности на свойства.

Миф есть то, непосредственным выражением чего он является. Слово-миф сообщало все от первого лица, вещая, ведая опыт личного переживания. В таком мифе налицо слитность самого действия (объект), его переживания (субъект), его результатов (вещи мира). Миф есть повествование от первого лица, выражающее свое видение. В немалой степени это связано с устной передачей мифа в ту пору, когда письменность еще не была основным средством передачи и закрепления информации. Миф связан с изустной традицией, молвой, мнением, говорением.

Мифологическому мировоззрению в целом присуще единство сути вещи и его имени, но постепенно мифическое нерелексивное мирозерцание заменяется более рационалистическим мировоззрением примерно с V века до н.э., когда миф, противопоставленный логосу, приобрел уничижительный оттенок иллюзорного знания, вздорной выдумки, утверждения, которые не опираются на строгие доказательства. Этот процесс, что впоследствии получил название "разложения мифа" и "перехода к теоретическому мышлению", начался с рефлексии по поводу мифологических сказаний. В мифологии проговаривание мифа, вещание мифа от первого лица сменяется нарративом, т.е. повествованием, "рассказом об...". Уходит погруженность человека в пространство мифа, переживаемость, всецелая включенность говорящего в процесс сказывания, уходит неотрефлексированный опыт, то видение, которое находило свое выражение в мифе-сказе, мифе-деянии, мифе-вещи. С развитием письменности, как основного носителя знания, теряется интимно-личностный характер передаваемого. Как писал Платон в "Федре" о письменах, "в души научившихся им они вселяют забывчивость, так как будет лишена упражнений их память, припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты (бог Тот, изобретший письменность) нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость" [3, с.216-217].

Все культуры опираются на использование символического значения букв в их фонетическом и графическом значениях. Буквенный символизм строится на теории космических соответствий. Е. Блаватская писала, что буква- это символ небесного прообраза земных реалий. Предания всех народов свидетельствуют, что письмо ("безмолвная речь") было "даром богов". Древние египтяне называли свои иероглифы "языками богов". Египетская легенда свидетельствует о том, что древнеегипетские письмена, иероглифы или священные изображения, бог Тот до потопа начертал на таблице. После потопа второй Тот – Гермес Трисмегист или "первый Гермес" перевел содержание этих таблиц на вульгарный язык. Вульгарный язык есть язык людей, поэтому они больше пользуются

рассуждением, нежели прибегают к интуиции или созерцанию. С развитием полисной греческой демократии и выходом на первый план письменности, греческая культура приобретает светский характер, происходит отделение сакрального мира (культ) от профанного (быт). На смену сакральной истине приходит авторитет человеческого разума - логоса как познавательной способности.

В отличие от такой природы слова “миф”, “логос” имеет корень *leg*, что указывает на “избирание”, “выделение”, “счет”. В архаические времена само слово “логос” имело значение “говорения вещами”. “Логос” рассматривался как “вещное слово”, “предсказание”, “прорицание”. В те времена миф не противопоставлялся “логосу”, как иллюзия и выдумка - правде и реальности, они имели скорее взаимодополняющие функции. А.Ф. Лосев отмечал: “Греческий термин “логос” совершенно в одинаковой степени относится как к мышлению, так и к языку. С одной стороны - это “мысль” и все связанные с ней категории мысли (понятия, суждения, умозаключения...). С другой же стороны, “логос - это “слово” и все связанные со словом категории (язык, речь, разговор)... Древние греки прославились... своей бесконечной любовью к слову, к разговорам, ко всякого рода спорам, доходившим до конечных прений и даже болтливости, но такая словесная мысль всегда была образной, картинной, как бы смысловым изваянием обозначаемых мыслью вещей” [2, с.31-32].

Логос как мысль, выраженная в речи, мысль изреченная, этимологически связан со словом “ложь”. “Мысль изреченная есть ложь” (Ф.И. Тютчев). И мнение поэта удивительно перекликается с воззрениями Платона на природу мифического. Этимологически ни ложь, ни вранье (слово “врать” в смысле “говорить”) не несут в себе отрицания истины или правды. И у великого русского поэта, и у величайшего философа Древней Греции мы улавливаем идею о том, что знание есть истинное воззрение, пронизанное ложью, как бы одетое в одежды лжи — в словесные одежды.

Итак, сущность языкового понимания - миропонимание, слово - зеркало вещи. Противоречия в языке - это противоречия в самой жизни, которые отражаются в языке. И стремление избавиться некоторый язык как целое в его высказываниях от противоречий подобно стремлению не допустить перегрузок несущих опор при строительстве дома: язык как целое и лишенное противоречий, выстраивается как замкнутое здание, как нечто прочное и ставшее, где существует внутреннее пространство жизни, пространство внутренних возможностей языка в истолковании мира. “Язык - дом Бытия”, - сказал Хайдеггер. В языке живет человек, бытийствующий человек в своем внутреннем пространстве (языковом). Но, как гласит древнекитайская мудрость, пользование домом зависит от пустоты в нем. Таким образом, насколько не загромождена бытийственная открытость сущими вещами в их закрытости, настолько язык открыт свершению бытия, открыт перетеканиям из “тени в свет” сознания. Открытость языка позволяет играть с самими словами, она дает возможность пониманию, то есть наполнению смыслом. Поэтому закрытые языки, подобно языкам науки, - это узкоспециальные языки, базирующиеся на аксиомах как сущих (т.е. в мире сущего явных, эмпирических) очевидностях, и жестко ограниченные в сфере собственной применимости (Хайдеггер).

Гадамер и Хайдеггер обращались прежде всего к живому открытому многозначному языку повседневности, столь же противоречивому, как и сама жизнь, но и столь же богатому по своим возможностям. Язык — хранитель истории выходов человека к глубинам бытийственных смыслов, хранитель истории свершения бытия в сущем. Язык обретает открытость в речи как в свободном “здесь и сейчас” переживании того, о чем говорится. Речь претворяет возможности, открытые “ВОТ-бытием”. В речи понимание артикулируется и обращается ко внешнему и внутреннему прояснению и самопрояснению в выражении. Речь - событие языка в смысле со-бытия с другим, как говорил Хайдеггер. Выражение языка в речи - это выражение себя как

бытийственного понимания для другого и для себя как другого, то есть, для себя как сущего.

Речь раскрывает изначальную расположенность говорящего в бытии и выявляет топологию этого места (положения). Тем самым, в речи находит свое отражение бытийственное пред-понимание как открытость. С другой стороны, речь пользуется словами языка как уже наличного, как предметного. Речь, раскрывая бытийственный горизонт предпонимания, вносит в слова языка новую глубину, пользуется подручными и доступными словами, наделяя их новыми смысловыми нюансами, сдвигая смысловое облако уже наличного, накопленного знания в соответствии с топикой предпонимания (“пред-свершение-речи-пониманием”). Речь, таким образом, трансформирует язык, в ней язык живет и развивается. Цель речения - наиболее полное выражение, отражение бытийственного лика смысла, бытийственного образа. Но опыт переживаемости полнее выраженного в языке воспоминания об опыте, ибо бытийственный исток нашего понимания суть перманентное самоосуществление в ином, непрестанное выступание за пределы, определяемые словом сущего логоса. Как говорил Гадамер, “подлинная мистерия отражения - это именно неуловимость... образа”.

Слово сущего логоса человека - всегда слово-стрелка, всегда указатель на себе-иное как непосредственное переживание открываемого им смысла. Слово, отсылая к “бытию-как-всегда-иному”, и в то же время оберегая его, вовлечено в непрестанную игру бытия смысла и его воплощения. Гадамер определял сущность языка как игру, как самодвижение, не преследующее определенной цели, но как движение ради движения, феномен трансцендирования и самопредставления бытия живого. Слово имеет игровую природу как скрывающе-указующее на бытие, как то указание-откровение, которому сопутствует сокрытие-утаивание. Постичь скрываемое-открываемое словом в рассуждении и рефлексии невозможно, а лишь - в непосредственном бытии. Именно бытие через слово играет само с собой или, как говорил Гадамер, “втягивает в себя игроков”. Человек, как сущий, ставит перед собой осмысленные цели и достигает их. Но таковое целеполагание осуществимо лишь в круге сущего, замыкающегося от непосредственной беспредельной открытости бытия. Тогда же, когда присутствует открытость бытия, именно она как первичное “есть” определяет те цели, вернее, те пути или тропы, по которым идет человек, по которым определяет правила игры, которые затем в своем сущем языке переформулирует - определит с непреложностью. Но и сам играющий человек (ВОН-бытие) имеет отношение к заданию правил игры, свободно устремляясь к самоосуществлению в тех или иных возможностях. Само бытие, играя с собой, втягивает нас как сущих игроков в свое дление, в свое вольное перетекание из формы в форму. Играющий человек не тождествен с самим собой и вовлечен в ход игры, в ее временной горизонт. Человеку необходимо сознать мир, открытый ему в переживании, необходимо осязать в конкретных и определенных формах. Так человек созидает мир культуры - мир слова, понимаемого предельно широко, как среду обитания человека-сущего. Культура - пространство форм, слов, смыслов в их определенности и связности, взаимосоотносимости и взаимодействии с существованием человека. Любые вещи сущего мира, будь то реально-наличная вещь или идеальное понятие, горы или воздух, камень, стол или небо над головой, и т.д. - все это суть вещи, понимаемые в некоторой связности, взаимоуказывающие друг на друга. Это позволяет человеку открывать мир в его понимаемости, в возможности отношений с этим миром, в доступности его форм, вещей и слов, оформляющих эти вещи. Каждая из них проявляется в некотором контексте иных определенных вещей, на которые указывает пространство, открытое в бесконечном горизонте тех вещей данного нам в повседневности мира, который мы в обыденном состоянии сознания воспринимаем как единственно-реальный и достоверный, ясный и самопонятный, доступный и действительный. Феноменология раскрыла нам корни такого полагания, прояснила тот факт, что мы сами конструируем мир смыслов, всякий смысл есть нечто мыслимое, а потому мир и сознание суть две стороны единого отношения. Хайдеггер, подняв вопрос о бытии как таковом, раскрыл бытийственность такого отношения, раскрыл исток нашего существования в мире как “ЕСТЬ”. Хайдеггер и Гадамер раскрыли герменевтический характер человеческого “бытия в мире”, раскрыли мир как онтологизированный текст. Для того, чтобы прикоснуться к бытию, не обязательно стремиться к абсолютно чистому сознанию, как это делал Гуссерль, необходимо лишь приобщиться к языку, понять слово в его скрывающе-указующей ипостаси посланца самого бытия человеку как сущему.

Таким образом, язык есть то, что образует культурный контекст в историческом пространстве, с ее традициями и стилями, с ее ставшими в своей определенности канонами. Язык в контексте культуры должен приобретать характер открытости, всегда незавершенности, для того чтобы оставлять место для понимания и интерпретации. Культура в онтологической своей ипостаси -это текст мира, тот образ и лик, в котором мы находим наш мир как знакомый и близкий. Культура - описание нашего мира, онтологизированный текст как целое нашего жизненного пространства. Необходимо вживание в контекст бытия культуры, чтобы дать возможность диалогу, открытию и истолкованию знаково-символических систем текста культуры.

Первоисточники.

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. – М., 1988.
2. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. - М., 1990.
3. Платон. Собр. соч. в 2-х томах. - М., 1970.- Т.2.
4. Философия и герменевтика. // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного.- М., 1991.
5. Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. – М., 1978.
6. Хайдеггер М. Время и бытие. - М., 1993.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ. “РОССИЯ, КРОВЬЮ УМЫТАЯ”.
(НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ СОВЕТСКОГО
ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА)

Кравченко Г.Г.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы
Камчатского государственного педагогического университета*

Материалы архива Артема Веселого убеждают в том, что главной проблемой, над которой работал писатель, была и осталась во всех редакциях романа “Россия, кровью умытая” не только разработка социального портрета народной массы (сделано это блестяще), но и стремление ярче выразить активную роль народа в “простонародной революции”, дифференцировать народную массу, показать ее классовую структуру, попытаться выделить в народной среде движущие силы. И это совсем не обязательно связано с руководящей ролью партии.

Нами была проделана немалая работа в архивах (ЦГАЛИ, института мировой литературы, архиве Е.Ф. Никитиной – “Никитинские субботники”, в архиве Института русской литературы). Изучались рукописи в Государственной библиотеке им. Ленина, несколько месяцев изучался личный архив писателя, хранящийся у его дочери Заяры Артемовны Веселой. Посчастливилось встретиться со многими людьми, знавшими писателя и ближайшими его родственниками – детьми, женами, братом.

Часть этого архивного материала оформлена в приложении к нашей диссертации “Путь Артема Веселого (формирование творческой индивидуальности)”. Этим материалом пользовались другие исследователи, в частности профессор Воронежского университета Скобелев В.П.

До сих пор о “главной книге” писателя спорят. У Артема Веселого явно ощущается стремление раздвинуть рамки традиционного жанра романа или, вернее, романа-эпопеи. Придать произведению широко панорамный облик, который вместил бы весь размах революционной эпохи, людские толпы, яркую многоликую массу, ее вожаков – сильных, мужественных, запоминающихся. Часто они совсем не похожи на тех, которые входили победоносно в наши вузовские и школьные программы.

Артем Веселый (настоящие имя, фамилия Николай Кочкуров) был прежде всего человеком огромнейшего, далеко не реализованного могучего таланта. И это двойная трагедия по сравнению с Б.Пильняком, И.Бабелем, О.Мандельштамом и другими, уничтоженными, как и он, в 30-е годы.

Автор “России, кровью умытой”, название за рубежом любят переводить “Россия, купанная в крови”, был писателем-новатором, которого подстерегали очень многие трудности: хроникальность подавляла сюжет, композиционные сцепления часто оказывались ослабленными. Длительный многоступенчатый путь замысла “России, кровью умытой”: от произведения к произведению, соединение фрагментов в единое целое, возвраты-повторы (а это нередкая особенность произведений 20-30-х годов) – все же не могло не повлиять на художественную ткань самого романа.

Следует заметить, что в истории литературы (после 1917 года) такая исступленная работа над реализацией замысла – явление само по себе уникальное. И об этом писали и пишут многие, пишут о невероятном замахе.

Но помимо субъективно-биографического момента (он активнейший участник тех событий, он посетил уже в 30-е годы места далеких событий, использовал опросные листы¹, был дружен со многими выдающимися людьми, достаточно вспомнить Ярослава Гашека, Куйбышева, Подвойского, Дыбенко и др.).

В ряде критических работ об Артеме Веселом идет спор о том, есть ли главный герой в “России, кровью умытой”, многие говорят, что нет. И как вывод: а правомерна ли жизнь такого произведения. Мы попытаемся доказать, что правомерна. Через несколько десятилетий появилось ахматовское произведение “Поэма без героя”. Название говорит само за себя.

Несомненно, Артем Веселый утверждал подлинного героя своей эпопеи прежде всего в образе революционной народной массы. Однако сам процесс развития литературы к началу 30-х годов, лучшие достижения советской прозы 20-х годов уже непреложно ставили вопрос о персонифицированной фигуре народа. Артем Веселый выделяет личность Черноярова и Кужеля, не растворяя их в массе, показывая их с известной мерой индивидуализации, в сложности и противоречивости характеров. Жестокие споры вызвал образ Чернояра, в котором многие читатели узнали героя гражданской войны Кочубея. Появление книги Аркадия Первенцева – ответ Артему Веселому.

Писатель усиленно ищет свою форму воплощения материала, хотя и не избегает (как и многие в те годы) псевдоноваторства. Так, до 1935 года роман делился на “залпы”, “крылья”, “подкрылки”.

М. Шолохов, который в 50-е годы вместе с М. Светловым писал письмо, дающее основание для реабилитации Артема Веселого, тогда, в 30-е годы, в одном из выступлений критиковал всяческое псевдоноваторство: “...только тогда сумеем мы – писатели – создать такие произведения, которые будут стоять на одном уровне с эпохой, когда новаторство будет шагать дальше незамысловатого переименования глав в “залпы”, “звенья”, “подкрылки”².

Эта критика отражала тенденции уже иной литературной эпохи, эпохи 30-х годов, с ее тяготением к большей классичности и строгости романских форм. Именно в эти годы Артем Веселый отказывается от претенциозных наименований глав, заботится о четкости стилистического рисунка своих произведений.

Чтобы решить проблему народного характера, писатель должен был обратиться к судьбе личности из народа, ибо истинная эпичность предполагает человеческий аспект как решающий. Герой должен быть не просто представителем (неким алгебраическим знаком) массы, но, прежде всего личностью. Однако эта сторона эпопеи все же не получила достаточной реализации, хотя В.П. Скобелев пытается показать, как в ткани романа появляются образы, способные цементировать расплывчатую ткань удивительного романа³.

В те годы многие писатели преодолели необъятную **массовость**.

А у Артема Веселого и в 30-е годы на первом плане оставался собирательный образ массы. “Масса яростно действует, живет полнокровной жизнью, борется, буйствует, порой скандалит, а отдельного человека как неповторимой личности нет”⁴.

Материалы личного архива дали возможность рассмотреть эпопею не только в той части, в какой она была опубликована, но и в плане задуманного.

Значительное место занимают у писателя замыслы, связанные с ленинской темой.

Давно ли мы создавали ленинскую икону? Сегодня о Ленине пишется диаметрально противоположное. Чего стоит страшный волкогонский двухтомник о Ленине! И написал его человек, который когда-то о Ленине говорил лишь в одическом духе. А бывшие враги

революции, такие как Шульгин, написали произведения о Ленине, сидя в тюрьме, не надеясь, что их напечатают, фактически в защиту Ленина и его дела. Знаешь прямоу Шульгина и все же испытываешь потрясение при чтении его книги о Ленине.

В архиве писателя ленинский материал – это отдельные наброски. Они интересны тем, что вводят в разговор о творчестве писателя в целом. Писатель знал, что к изображению Ленина можно подойти после долгих лет изучения многих материалов, после вдумчивого прочтения ленинских трудов⁵.

План романа “Россия, кровью умытая” сам по себе уникален. На это обратили внимание те, кто защищал диссертации по творчеству Артема Веселого в 60-80-е годы⁶.

Летом 1930 года Максим Горький задумал издать серию книг по истории гражданской войны. Сюда должны были войти произведения писателей, участников событий тех лет, людей наиболее талантливых. Среди названных Горьким был и Артем Веселый, хотя с Горьким у автора “России, кровью умытой” были очень сложные отношения.

В те годы много спорили о сюжете, в этот спор включился и Артем Веселый. У него явное стремление строить сюжет на **наиярчайших** явлениях истории, данных в контрастном сочетании (страшная резня и братание, стихия и руководство, зверства Колчака, которого сегодня всячески обеляют, и “созидательная работа в тылу”)⁷– все это передает ощущение великой борьбы, а разрозненные листы личного архива дают нам возможность увидеть стремление писателя соединить подлинность документа с художественностью.

Артема Веселого неоднократно и справедливо критиковали за воспевание стихийности⁸. Несомненно, стихийности, неопределенности было достаточно и в самом писателе. Эволюция его мировоззрения, нашедшая отражение в художественной ткани романа “Россия, кровью умытая” (от редакции к редакции, а их 4), - свидетельство того, что он неуклонно шел по пути преодоления стихийности в показе народных масс. Партизанщина (а она многолика) в революции предстает как проявление политической незрелости, стихийности народных масс.

Сегодня как только не клянут революцию, ее интернациональный характер. Даже косноязычный Черномырдин не преминул вставить в свою речь о подброшенных в Россию двух немцев, имеются в виду Маркс и Энгельс.

Личный архив дает представление о героике Красной Армии, интернациональном характере нашей революции. Писатель ищет варианты, чтобы с наибольшей силой показать бессмысленность мировой бойни:

“Похороны. У разрытой могилы два гроба Барабина и Ганса...
Георгий поднялся на насыпь... “Прощайте, друзья... Отрыгнется им Ваша кровь ядом...”
Холмик, сиротливый крест... На кресте химическим карандашом:

Жертвы капитала

Рядовой 415 Брестского полка Семен Барабин,

Рядовой 49 резервного Кенигсбергского полка Ганс Михаэльс.

Вечная память”⁹.

Постепенно меняются варианты надписи, подчеркивается, что русский и немец убиты “по приказу своего начальства во время братания 2 июля 1917 года. Вечная память. Клянемся отомстить”¹⁰.

Для полноты раскрытия замысла романа-эпопеи писателю важно было найти яркое, выразительное название. Сначала поиски привели к названию “Россия на крови”, но в нем не было идейной четкости. Не устраивало и название “Горькая кровь”, оно явно повторяло выпущенный ранее сборник рассказов¹¹. Были еще попытки найти название, но... они не устраивали писателя. И, наконец, - “Россия, кровью умытая”. Название не только отражает суть эпопеи, но и отвечает эмоциональным устремлениям писателя. Обновленная, прошедшая через все испытания, Россия приобрела свободу самой большой ценой, ценой человеческих жизней.

Хочется обратить внимание, что название романа перекликается со строками эпитафии трилогии А. Толстого о России, трижды купанной в крови и очищенной страданиями.

У Артема Веселого явно ощущается стремление раздвинуть рамки традиционного жанра романа и придать произведению широко панорамный облик, который вместил бы весь размах революционной эпохи.

Современные исследователи поднимают вопрос о панорамности как особой форме романа, у истоков которой стоял Артем Веселый¹².

Но “главная книга” так и осталась незавершенной. И все же писатель шел к интересному и своеобразному роману-эпопее, который не повторял открытий М. Шолохова, А. Толстого, представлял собой яркую страницу нашей прозы.

12 апреля 1961 года в ЦДЛ был устроен вечер памяти Артема Веселого. Тяжело больной Н. Асеев передал письмо дочери писателя Заяре Артемовне Веселой, которое было оглашено на вечере: “В Артеме Веселом запропал, по моему мнению, один из лучших писателей ... Его размахистая, неудержимым напором движущаяся проза порой казалась безродной дочерью народа, дикой и неустроенной в своей судьбе. Ни один писатель тех лет не обладал такой могучей уверенностью в своей речи – речи, непосредственно воспринятой от народа...”

Грубость и подлинность некоторых выкриков отталкивали любителей изящной прозы тургеневского стиля. Сложность множества слившихся в одну речевую лаву выражений, присловий, здесь же в процессе творчества явившихся их революционной волны на ее гребне, заставляли отступать от оценки критиков, не имевших еще практики в разборе таких явлений.

Поэтому замечательная эпопея “Россия, кровью умытая” не вызвала длительных дискуссий и глубоких оценок, служа скорее примером революционно-стихийной удали, а не совершенно новым литературным явлением”¹³.

Артем Веселый, указывает Н.Асеев, фактически осуществил роман без героя, вернее, с массовым героем, в котором соединилась такая множественность черт народов, образовавших население бывшей царской России.

Писатель находился в самом центре рождения и движения художественных проблем 20-30-х годов. Понять смысл и ведущие противоречия его творчества – значит найти ключ не только к его книгам, но некоторым общим явлениям литературного процесса 20-30-х годов.

Центральная проблема “России, кровью умытой” не только интересна: соотношение стихийных сил и организующего начала в революции в историческом процессе вообще. Исследовать творчество Артема Веселого В.П. Скобелев называет эти силы центробежными и центростремительными силами русской истории.

Поражает эпический размах событий, которые как бы захлестывают человека. Писатель отдает явное предпочтение панорамированию истории – подчас за счет внимания к отдельной человеческой судьбе. Здесь, конечно, были потери в решении проблемы народного характера, ибо “надо было выходить к раздумьям о судьбе личности из народа. Истинная эпичность предполагает человеческий аспект как решающий”¹⁴.

Но гармонично сочетает Артем Веселый зарисовки общего и индивидуального, поэтому его герой запоминается. Автор подчеркивает, что масса многолика: “Гудят пьяные голоса. Обмякли выкрики, приговорки, рык, хохот, матерщина-матушка, дрель пляса.

-Гуляй, Матвей, не жалея лаптей!

-А-ахм, мать Пресвятая Богородица...

-Полведерка у Митрофанихи... Сергунька, слётай. Сергунька с перепоею: рожа красная, как вениками нахлыстанная. Навалился грудью на стол, огурцы хряпает, за ушами пищит. Широкий парень топором тесан. Могучая багровая шея была обметана искорками

пота. В кулаке зажаты золотые часы – в них Сергунька каждую минуту заглядывает, узнает который час”¹⁵.

Лаконичность требует детализации. Вместо людей порой названы предметы, подчеркивающие суть портрета: “косхы, космы, платки, волосники, полушалки, юбки пузырятся... Рубашки вышитые, красные, сиреневые, в полоску, в искорку, с разводами”. Зрительная деталь, яркость малявинских красок.

“Аленка – гуляющая девка. В другое время ее и в избу бы не пустили, а в прощенное воскресенье – вот она... Красава, румянец через щеку, гладкая – не ущипнешь, коса густая, как лошадиный хвост. Платице поплиновое оправила, рассыпала каблуки. В пятках ровно пружины, всю ее бьет, ну – ядро, буйрава”¹⁶. Отдельная личность из массы запоминается, в силу своей пластической, чувственной образности: “В пару Алене вышел дезертир Афоня Недоённый. Форсисто одернул лопнувший по швам, выменянный на картошку фрак – вышитая рубашка, огневой запал. Что есть силы огрел себя по ляжкам, фыркнул, заржал и в пляс”¹⁷.

Очень часто массовые сцены приобретают драматический характер (расправа с телеграфистом, пьяные погромы, штыковые атаки, сцены мировой бойни и т.д.). Они являются центром повествования. Художника волнует не героическое шествие, а ошибки мужиков.

Тогда как бы вступает со своей мелодией многоголосый народный хор.

История русского советского романа – не гладкий и однолинейный путь. Надо помнить, что жанровое многообразие романа рождалось в столкновении различных индивидуальностей.

Четыре редакции – интенсивный многолетний труд писателя, который позволяет проследить эволюцию жанрообразующих признаков большого эпического романа, их зарождение и трансформацию. Артем Веселый шел к интересному и своеобразному роману-эпопее.

Примечания:

1. Веселая Г.А. “На сердце кипела кровь...”/ “Кубань”, 1967, №12. С.75-77.
2. Шолохов М.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т.8. – М., 1960. С. 102.
3. Скобелев В.П. Артем Веселый. Очерк жизни и творчества. – Куйбышев, 1974.
4. Ершов Л.Ф. Русский советский роман. Национальные традиции и новаторство. – Л., 1967. С.102.
5. Кравченко Г.Г. Артем Веселый. Наброски к ленинской теме/ В.И. Ленин и литература. – Л., 1971.
6. Стеколыщиков На пути к созданию советского героического эпоса (“Россия, кровью умытая” Артема Веселого). – М., 1967; Никонович Б.К. Творчество Артема Веселого. – Минск, 1972. и др.
7. Личный архив Артема Веселого.
8. Чарный М. Артем Веселый. Критико-библиографический очерк. – М., 1960; Скобелев. В.П. Артем Веселый. Очерк жизни и творчества. – Куйбышев, 1974.
9. Личный архив. Наброски. Видимо, 1937 год.
10. Там же.
11. Артем Веселый. Горькая кровь. Рассказы. – Ростов-на-Дону, 1926.
12. Белая Г. В поисках “Скромного новаторства”/ Новый мир, 1960, №8; Избавление от миражей: соцреализм сегодня. – М., 1990.; Аннинский Л. Тридцатые – семидесятые. – М, 1977.
13. Частично письмо опубликовано М. Чарным. Хранится в личном архиве писателя.

14. Хватов А.И. Артем Веселый (страницы творческой биографии писателя)/ Артем Веселый. Избранная проза. – Л., 1983.
15. Артем Веселый. Избранная проза. – Л., 1983. С.415.
16. Там же, с.416.
17. Там же, с.416.

СОЛНЦЕ В ПОЭТИКЕ “ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”

Павлова И.И.,

*старший преподаватель кафедры литературы
Камчатского государственного педагогического университета*

Художественный мир “Слова о полку Игореве” в буквальном смысле пронизан солнечными лучами. В начале произведения – исчезающими за диском луны в момент солнечного затмения; в центральном эпизоде (битве игоревой дружины с половцами) – беспощадно палящими на русских воинов в земле “незнаеме”. И, наконец, заливающими ярким светом всю землю, веселя “страны” и “гради”, приветствуя князя Игоря в родных пределах.

Роль образа солнца в “Слове” велика: все самые драматические и радостные события связаны со светилом.

Солнечные нити вплетены в собственно-художественную ткань произведения в виде многочисленных светоносных метафор, реализующихся на протяжении всего повествования.

На обилие светоносных красок в памятнике обращали внимание многие исследователи “Слова о полку Игореве”. В частности, В.П. Адрианова - Перетц, Д.С. Лихачев, А.Н. Робинсон, Л.В. Соколова, Гаспаров, Б.А. Рыбаков и другие.

В своих исследованиях ученые достаточно хорошо разработали вопрос, связанный с изучением солнечной символики; ее происхождением и ролью в произведении.

В данной работе предпринята попытка рассмотреть образ Солнца не в качестве “основного символа” (такую роль ему отводят в “Слове” многие ученые), а самостоятельно действующего субъекта, активно вступающего в различные взаимоотношения с остальными персонажами произведения, реализующегося в трех божественных ипостасях: Дажьбога, Перуна, Хорса. Трехликим солнце предстает, как мы помним, в плаче Ярославны:

“Светлое и трисветлое сльнце! –
Всем тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячую свою лучю
на ладь вои?
Въ поль безводнь жаждую имь лучи съпряже,
тугою имь тули затче?”

Эпитет “трисветлое” интересовал исследователей “Слова” с момента открытия памятника. Почему Ярославна называет Солнце трисветлым? Исследователи дают различные ответы на вопрос о троичности солнца: одни видели здесь влияние книжной религиозной традиции (гимнографии, шестоднева), то есть “трисветлое солнце” отождествлялось с божественной троичностью в христианском православном варианте. В.П. Адрианова-Перетц связывала троичность солнца с дневным и ночными светилами (солнце, луна, звезды). В работе Б.А. Рыбакова “Язычество Древней Руси”, автор ссылается на языческие представления славян об утреннем, дневном и вечернем солнцем, тем самым объясняя происхождение эпитета “трисветлое”.

На наш взгляд, трехликость солнца можно объяснить верой древних русичей в способность дневного светила, как одного из главных божеств, проявлять себя в 3 ипостасях. Исследования текстов летописей “Слова о полку Игореве” показали, что Дажьбог, Хорс и Перун – божества, имеющие солнечную природу.

Возможно, поэтому Ярославна, обладая языческим сознанием, обращается к светилу как к трехликому божеству.

Первая божественная ипостась Солнца – Дажьбог. Буквально - “дающий благо”. “Даждьбог олицетворял ту живительную силу, которая находилась в апогее..., от него полностью зависела жизнь на земле” - читаем в Энциклопедии “ Слово о полку Игореве”. Свет и тепло солнечных лучей, олицетворением которых и является Дажьбог, имели всепроникающую способность. Они согревали землю и все живое на ней, поэтому Дажьбога можно назвать дарителем жизни (дающим жизнь).

Хорс – вторая солнечная ипостась “божество солнца как светила, круглого по форме, совершающего свой суточный и годичный круги. (Энциклопедия. “Слова о полку Игореве”). Хорс являлся, возможно, хранителем мироустройства. Проходя свой путь во Вселенной, Хорс имел возможность обозреть и небо, и землю, наблюдая за мирозданием, в центре которого находилось дневное светило.

Перун – третья ипостась Солнца. В книге Афанасьева А.А. “Поэтические воззрения славян на природу” читаем: “Перун, по сказанию белорусов, разъезжает по воздушным высотам, и если увидит, что на земле беззаконие...низводит на злых и нечестивых молнию...”Перун, имел огненную природу, как и Солнце. Цвет Перуна - золотой. Золото – в мировой мифологии – “абсолютная метафора солнца”. Все вышесказанное доказывает принадлежность Перуна к огненно – солнечной стихии.

В произведении представлены все 3 солнечных лика Солнца.

Впервые Солнце появляется на страницах “Слова” в момент принятия князем Игорем судьбоносного для него и русской земли решения: выступить с малою дружиной в поход против половцев: “ иже истягну ум крпостию своею и поостри сердца своего мужествамь; наплънився ратного духа...”

Воинственно настроенный князь стоит перед своей “хороброй” дружиной. Он готовится держать речь, по-воинскому этикету того времени, дабы наполнить сердца воинов “дерзостью” “борзостью” т.е. смелостью.

Но перед этим:

“Игорь възрь на светлое солнце
и видь отъ него тьмою
вся вое прикрыты”.

Автор называет солнце “светлым”. Очевидно, таковым оно было до момента окончательно принятого княжеского решения. Поэтому, целесообразно предположить, что Игорь ждал “знака” от Солнца, либо одобряющего, либо осуждающего его решение. Чем вызвана уверенность, что Солнце даст “знак” Игорю?

Ответ дают летописи, зафиксировавшие факт существования “родового знамения”, довлеющего над родом ольговичей, к которому принадлежал и князь Игорь. Он приходился внуком Олегу Святославичу в “Слове” прозванным Гориславичем. С именем Олега автор связывал самые кровавые страницы истории Древней Руси 12 века:

“Тъй бо Олегъ мечем крамолу коваше и стрелы по земле съяше”. “ Тогда, при Ольз Гориславиче съятся и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука в княжеских крамолах, веки человеком скрятишась”, - в укор князю Олегу автор пишет эти строки.

“Родовое знамение” (затмение солнца) перед трагическими событиями или после них – стало преследовать Олеговичей после смерти князя Олега, которая наступила на 10-ый день после солнечного затмения в 1115 году. Игорь не мог не знать о “знамении”. Не мог князь не знать, что род ольговичей, как и мономаховичей, как и другой любой княжеский род ведет родословную от бога солнца. Происхождение князей от Дажьбога подтверждается в тексте

“Слова”: русских князей автор неоднократно называет “даждьбожими внуками”, “князь-солнце” и др.

Князь Игорь – “свет-светлый”. Так обращается к нему его брат Всеволод.

Да и сам Всеволод напоминает своим обликом солнечное божество, сошедшее на землю.

“Яр туре, Всеволодь!

Камо, турь, поскочаше,

Своим златым шеломомъ посвечивая

Тамо лежать поганые головы половецкыя!”

Автор называет Всеволода “яр” или “буй” тур. Этимологию слов “яр”, “буй” объясняет в работе “Слово и миф” Потебня А.А. “Буй” как и “яр” (буйный, яростный -) слова-синонимы восходят к солнечной световой символике. “Яростный” – ярый, яркий, красный, красивый, светлый – характеристики солнечные

Всеволод прекрасен в своей ярости, она исходит от него , как солнечные лучи. Светоносность образа усиливается за счет словосочетания “шеломом золотым” посвечивая. Посвечивание золотым шлемом напоминает блик солнечного луча.

Являясь потомками, внуками солнца, дающего жизнь, благо, русские князья, подобные Олегу Святославичу, Игорю, Всеволоду, стали причиной бедствий на Руси. По их вине сокращается век человеческий.

Осознавали ли князья ответственность за человеческие жизни, за мирную жизнь на вверенной Даждьбогом им земле?

Вернемся к Игорю, внимательно всматривающемуся в Солнечный лик. Что скажет ему божественный предок? Солнце подает Игорю недобрый знак: “Мгла свет покрыла” - скажет позднее автор. Князь понимает знак Солнца: его поход обречен на неудачу. Кажется, судьба Игоря и его дружины предрешена “родовым знаменем”. Что толкает Игоря на роковой шаг? Ведь душа его не спокойна, слышится приглушенная тревога в словах, обращенных к дружинникам:

“Братие и дружино!

Луце жь быти потяту

неже полонену быти...”

Призывая воинов выйти в поход, Игорь говорит о предпочтении смерти пленению. Полной уверенности в победе русичей над половцами нет. Игорь определяет свою цель:

“Хочу бо,- рече, - копие приломити конец поле половецкого,

с вами, русици,

хощу главу свою приложити, и любо испити шеломомъ Дону”.

Страстное желание добыть славы во что бы то нистало затмило разум князя: “Сталь князю ум похоти и жальсть ему знамени заступи искусити Дону великага”- мотивирует поступок Игоря автор.

Желание славы безумная храбрость, отвага, дерзость духа – все вместе взятое заглушает разум князя, душевную тревогу и толкает его на попытку испытать судьбу, оборотить ее в лице “родового знамени”.

В очередной раз, как истинный ольгович, Игорь бросает вызов Даждьбогу, тем самым предопределив свою судьбу, судьбу его воинства и всей русской земли.

Как реагирует Солнце на вызов Игоря?

“Солнце ему тьмою путь заступаше...”.

Тьма воспринимается физически осязаемой, сквозь нее игоревой дружине трудно идти: копыта коней как будто вязнут в гуще тьмы, как в болоте. Солнце тьмой преграждает путь Игорю, но дерзкий князь идет вперед!

На его пути встает преграда в лице анимистической природы. По знаку Солнца звери, птицы, травы, деревья – все приведено в движение:

“Ночь стонуши ему грозою птичь
убуди; свист зверин вста збися Дивъ кличет врьху древа
Велит послушати – земле незнаеме”.

Образ ночи материализуется и персонифицируется за счет многочисленных звуков: свиста и крика птиц, шороха трав, шума ветра в листве деревьев. Все эти звуки, в изображении автора, “заставляют” ночь стонать.

Стон – предостережение Игорю. Природа пока еще не агрессивна по отношению к нему. Ее цель – заставить князя одуматься и вернуться в родные пределы, пока русская земля не скрылась за “шеломьями”.

Но ... “Игорь к Дону вои ведет!” - с отчаянием, болью и немалой долей изумления восклицает автор.

Игорь не внемлет голосу природы. Тогда настроение природы приобретает более агрессивный характер: уже беды князя пасут птицы на деревьях, уже волки грозу накликают, уже орлы клекотом на кости зверей созывают, а лисицы лают на красные щиты.

В первый из трех дней битвы с половцами Солнце поднимается “вельми рано”, предвосхищая свое появление зорями цвета крови. Это уже не предупреждение, не предостережение, не попытка уберечь русичей от смертельной схватки с врагами. Это пророчество:

“Быть грому великому!

Идти дождю стрелами с Дону великого!”

В данном фрагменте, на наш взгляд, проявляется 3-я ипостась солнца в образе Перуна – громовержца, карающего за беззаконие. Языком грома и сверканьем синих молний (синий цвет – цвет смерти) Перун изрек: пришло время расплаты!

Все природные стихии ополчились против русского воинства.

“Се ветры, Стрибожьи внуци,
веют съ моря стрелами на
храбрые плакы Игоревы”.

Стрибог – в славянской мифологии – бог воздуха, поэтому ветры названы его внуками. Сам Стрибог подчинился Перуну как главному божеству. А.Афанасьев отмечал: “Перуну подчинялись духи, обитающие в горах, которые своим полетом производят ветры и непогоды”.

“Внуци” Стрибога – ветры несут половецкие стрелы на полки Игоревы. Стрелы идут дождем, им нет ни конца, ни края. И идут они с Дону великого, из которого Игорь так жаждал испить воды, одержав славную победу!

Игорь наказан: у него на глазах гибнет его дружина, братья и сын Владимир пленены, да и Игорь сам попадает в плен, пересев из “золотого” седла в “кощеево”. Можно только представить, что творилось в душе князя. Вспомним его слова “лучше: убитым быть, чем плененным быть!” Плен для всякого русского воина считался позором, особенно для князей, т.к. они были “головой дружины”, вели ее в поход, руководили в ходе битвы. От качества их воинского умения и боевого опыта, ума, смелости, решительности зависел исход сражения. Игорь погубил свою дружину, а сам остался жив, “Мертвые сорому не имут” - бытовала пословица в дружинно-княжеской среде на Древней Руси. Игорь, попав в плен, познал “сором” (позор, стыд, срам).

Поражение князя Игоря на реке Каяле осмысливается автором как вселенская катастрофа: “На реце Каяле тьма свет покрыла”. Так символически передает автор победу

тьмы (зла) над светом (добром). Способствуют победе зла русские князья, неся на свою же землю “тугу и печаль”.

К таким князьям относит автор князя Всеслава. Его образ связан с древнейшими верованиями людей в оборотничество. Автор изображает Всеслава то человеком, то лютым зверем – волком. Деятельность Всеслава обрисована в апокалиптических тонах, поскольку в результате его бесконечных междоусобиц погибала масса людей:

“На Немизь снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, не тоць живот кладуть,

Веют душу от тела. Немизе кровавы брезе не белогом бяхут посеяны, посеяны костью русских сынов”.

О самом Всеславе автор пишет:

“Всеславъ князь людямъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкам рыскаше:

Великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше”.

(Из летописей известно, что Всеслав ночью совершал свои набеги на соседние княжества).

Автор делает акцент на то, что Всеслав творил черные дела до восхода Солнца (Хорса), ибо знал, что идет против установленного и охраняемого Хорсом миропорядка.

Вывод автора “Слова”: все русские князья – “даждьбожи внуци” - идут против Солнца – своего предка, поэтому “тьма” покрывает “свет”.

В полной гармонии со Вселенной, в центре которой находится солнце, сосуществует Ярославна. Она, как и Солнце, является дарительницей жизни, хранительницей домашнего очага – своего микрокосма.

Ярославна – связующее звено между землей и небом, только ей удастся “подняться” по сакральной природно-иерархической лестнице, на верхней ступени которой находится Солнце, найти те магические слова – заклинания, сумевшие заморозить стихию воздуха, воды; смягчить гнев Солнца.

Ярославна обладает духовной силой, которая дает ей уверенность в своей правоте: она – дарительница жизни, поэтому имеет право защитить эту жизнь. Она верит в покровительство своего божественного предка, в то, что он поможет ей в горе. Солнечное божество способно не только карать, но и миловать, поэтому Ярославна обращается к Солнцу со словами: “Светлое и трисветлое солнце”. Обращение любящей женщины к светилу полны благоговейного чувства. Ярославна отдает дань любви и уважению солнцу, называя его “светлым”. “трисветлым”: тепло и красоту несущее миру.

Слова – упреки Ярославны превращают Солнце в безжалостное существо, способное погубить все живое, им же рожденное: воины “лады” страдают от жары в половецкой степи; их луки согнуты от жары, а колчаны “горем закрыты”.

Солнечное божество растрогано страданиями женщины. Гнев Солнца уступает место милости. Утихают ветра, уходят с неба черные тучи, князю Игорю “бог” путь домой кажется. Поскольку слово “бог” пришло еще из языческих времен, можно предположить, что это одна из ипостасей солнца, скорее всего Дажьдбог. Возвращение Игоря на родину сопровождается лучами ярко сияющего Солнца: “Солнце на небеси, Игорь – князь в русской земли”.

Тьма ушла. Можно предположить, что с уходом тьмы “родовое знамение”, преследующее род Ольговичей много десятилетий, потеряет роковой характер. Причина тому: князь вернулся с обновленным сердцем, с осознанием своего назначения на этой земле. Отныне смысл его жизни: служение русской земле, защита и охрана ее пределов. Игорю предстоит теперь доказать, что он истинный потомок Дажьдбога, достойный своего божественного предка.

ВАРИАНТЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОЧТЕНИЙ СТИХОТВОРЕНИЯ У.БЛЕЙКА “ТИГР”

Токарева Г.А.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы
Камчатского государственного педагогического университета*

Стихотворение “Тигр” У. Блейка столь известно англоязычному и зарубежному читателю, что стало визитной карточкой поэта. Такая его популярность легко объяснима: символический характер произведения прокладывает ему дорогу в “большом времени” (Бахтин), где каждая эпоха трактует его образы на свой лад, придавая символической ситуации конкретно-исторические смыслы. Яркая образность и завораживающий ритм стихотворения позволяли обращаться к нему и неискушенному читателю: стихотворение чаще, чем какое-либо другое произведение английских классиков появлялось на страницах детских хрестоматий. Столь активная жизнь шедевра во времени предопределила особое внимание к нему и литературной критики.

Три ключевых мысли, три двустишия, к которым особенно бережно должен отнестись переводчик, составляют те “острия”, на которых “растянут” смысл произведения.¹ Первая: “чья бессмертная рука и чье око создало эту пугающую симметрию?” Определение “пугающая симметрия” “fearful symmetry”: вынесено в заголовок известной монографии Н. Фрая об У. Блейке. Обратимся к различным вариантам перевода этого выражения: “страшный” (К. Бальмонт), “огневой, соразмерный образ” (С. Маршак), “ужасительная стать” (В. Топоров), “злая плоть” (А. Кудрявицкий), “страшная красота” (Т. Стамова), “ужасающая стать” (М. Калинин). Нетрудно заметить, что далеко не все переводчики сохранили оксюморонность выражения, хотя это смысловой фактор первостепенной важности. Образ тигра, несмотря на противопоставленность его образу агнца, не есть чистое зло. Это многомерный образ, огненная аура которого одновременно является огнем преисподней и творческим огнем жизни. Двойственность образа заложена уже во второй строфе: “distant deeps or skies” (безмерные глубины земли и неба). Тигр одновременно принадлежит пространствам Рая и Ада. Контрастные образы-атрибуты – еще одно указание на эту двойственность “простертые крыла” – небеса, “цепи”, “огненный горн” – преисподняя. Огненная стихия, во власть которой отдан тигр, – тоже сознательный выбор Блейка. Уничтожающий и одновременно очищающий, рождающий, огонь становится идеальным символическим образом для выражения важнейшей идеи новой блейковской философии: противоположности борются и творчески сосуществуют. Образ огня экспрессивен, что вполне отвечает бунтарскому духу Блейка. Выразителен контраст первых строк: огонь и ночной мрак. Огонь, пламя, блеск просто требуют ночного фона, ибо ярко пылать (важна интенсивность проявления действия) при свете дня невозможно. Многомерный, неоднозначный образ Тигра рождается в эпоху самоопровержения и прощания с прежними кумирами, тогда, когда для Блейка “плоский мир обрел объем”². Пугающая симметрия Тигра, его огненная агрессия – прообраз того активного зла, которое будет в “Бракосочетании Рая и Ада” противопоставлено бездеятельному добру, его злая энергетика побуждает к действию, борьбе, движению вперед. В одной из “Пословиц Рая и Ада” Блейка находим: “Тигры гнева мудрее мулов наставления”.³ Здесь тигр – также воплощение грозной энергии, некоего творческого порыва, противопоставленного мертвому дидактизму.

Если литературоведы достаточно единодушны в общей оценке главного образа, то фигура Творца – один из самых острых углов полемики.

Создатель в стихотворении не назван по имени. Доминирует вопросная форма предложений. Исследователь А. Глебовская достаточно смело утверждает: “Тигра создал не кто иной, как Дьявол”. Нам это предположение представляется спорным, хотя вторая часть его (Дьявол “является Творцом наравне с Богом”) вполне согласуется с общепринятой трактовкой основной идеи произведения. Главный вопрос звучит так: “Did he who made the Lamb, make thee?” Переведем его максимально точно: “Неужели тот, кто создал ягненка, создал и тебя?” Беремся утверждать, что в такой грамматической форме уже заложена мысль о том, что создатель Ягненка и Тигра – одно лицо. Цель же авторского вопроса – привлечь внимание не к тому, кто создал тигра, а поставить под сомнение возможность сознательного сотворения зла благим Господом. Ведь если мы сочтем творцом Тигра Дьявола, то изначальный конфликт сразу потеряет остроту: теперь Зло сотворено Злом, а не Добром. Для Блейка особенно важны напряжение и трагизм этого несоответствия (ранее он уверял себя: “Быть того не может. Нет!”⁴) Известная религиозная теодицея потребовала разрешения и от Блейка, и он создал в ответ образ творящего Ада. И если мы признаем творцом Тигра Сатану, не означает ли это, что наиважнейший этап эволюции религиозно-философских взглядов Блейка останется в тени?

В исследовании Кэтлин Рэйн⁵ Тигр представлен как порождение Уризена. В этом случае выражение “пугающая симметрия” наполняется иным смыслом и теряет свою оксюморонность: механистический разум как раз и воплощает себя в схематизации и тотальной упорядоченности. Однако, признав Уризена творцом Тигра, мы должны будем признать это воплощение зла и создателем Агнца. Бессмысленным в этом случае становится и кульминационный вопрос: “Неужели тот, кто создал Агнца, создал и тебя?” Тот классический конфликт, который заложен в этом финале, значим только тогда, когда Создатель олицетворяет собой благое начало.

Достаточно интересна версия, по которой Тигр рождается лишь в воображении Творца-визионера⁶ (его создает “бессмертная рука или глаз”). Однако то, что Тигр создан в воображении Творца, не влияет на характер перцепции образа читателем. Идея Блейка реализована в конкретно-чувственном образе. Тигр не *обозначен* как символ, но *изображен*, а значит в сознании читателя по-блейковски конкретен. Другое дело – образ Творца. При таком смещении акцентов именно он “пострадает” больше всего. Если есть альтернатива: рука или глаз (творческое видение) создали Тигра, то возникает логический вопрос: Мастер – простой ремесленник или художник-пророк? Однако далее находим *shoulder and art* (рука и искусство), что уже исключает возможность альтернативы и предполагает только синтез мастерства и вдохновения.

Загадочная “улыбка” творца также не обойдена вниманием критики. В финале четвертой строфы читаем: “Улыбнулся ли он, увидев свое творение?” (Did he smile his work to see?) Поскольку само явление улыбки здесь уже поставлено под сомнение, следует ли центром полемики делать вопрос о том, чему улыбался Создатель? Блейковский отнюдь не риторический вопрос заставляет поразмышлять над возможными непредвиденными и опасными последствиями творческого акта. Гениальное творение выходит из-под воли творца и обретает творческую самостоятельность, но на что направлена эта мощная энергия освободившегося чудовища? По Блейку Зло – некое бродило мира, без которого невозможно движение

вперед. “Застойный” мир Добра должен быть взбудоражен силами зла, иначе наступит царство Уризена, создающего мертвую гармонию. Невольная привлекательность образа Тигра вполне объяснима. По мере “проступания” образа во всех его деталях (процесс сотворения Тигра – своеобразная космогония, выстроенная по всем законам мифологического мышления: этап за этапом – день за днем) явление укрупняется и овеществляется в сознании читателя. Материализация фантома дает специфический синтаксический сбой, замеченный многими англоязычными исследователями: What dread hand? and what dread feet? (“чья ужасная рука? чья ужасная стопа?") О чьей руке идет речь? Творца? Творения? Сотворенное существо приобретает власть над своим создателем. Но в отличие от множества подобных ситуаций, начиная с Франкенштейна и заканчивая атомной бомбой, блейковское творение, как было показано выше, - не является однозначным воплощением Зла, а потому вернее всего предположить, что перед нами альтернатива: “улыбнулся” или ужаснулся Господь своему творению? Если счесть последние две строки строфы анафорическими, закономерно даже усилить эту мысль: “Неужели он улыбнулся, увидев сотворенное им?”. И поскольку риторические вопросы стихотворения не являются чистой риторикой, рискнем ответить на них, приняв во внимание блейковскую философию. Творец имел право на улыбку, но это не злорадная улыбка коварного создателя, не жалкая улыбка несостоявшегося властителя, это мудрая улыбка тайного знания того, что только вечное соперничество добра и зла дает толчок к развитию мира и огненный Тигр выпущен на волю, чтобы оплодотворить своей буйной энергией пресное и “правильное” Добро, ибо “ что делало бы ...добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела Земля, если б с нее исчезли тени?”⁷ Третий ключ содержится в пятой строфе, в ее начальных строчках. Многие переводчики, к сожалению, недооценивают глубины используемого Блейком символа и считают строки “when the stars threw down their spears and water’d heaven with their tears” простым метафорическим изображением утра. “А когда ты в ночь умчался” (В. Топоров), “А когда блеснул рассвет” (М. Калинин). В переводах Т. Стамовой и А. Кудрявицкого эти строки совсем опущены. А между тем, как раз над ними десятилетиями бьются англоязычные исследователи. Д. Эрдман трактует образ звезд, уронивших копьё, как символ очистительного примирения враждебных сил (Ягненка и Тигра). В конкретно-историческом плане эту символическую ситуацию, с точки зрения Эрдмана, иллюстрируют финалы Французской буржуазной революции и войны Севера и Юга в Америке. Н. Хилтон использует все ресурсы структурной лингвистики, чтобы разгадать загадку этих строк в статье “Копья, сферы, и святые слезы” (“Spears, Spheres and Spiritual Tears”). Действительно, “звездные копьё пали с небес” – кульминация процесса сотворения. Можно предположить, что это символические слезы раскаяния Тигра-Диавола, изгнанного из рая. Однако логичнее связать эти слезы с образом Творца или с самим актом творения. Утро – момент истины, восхода солнца и прозрения. То, что увидел Творец при свете дня, могло вызвать его ужас и слезы раскаяния. Мы же, следуя нашей концепции, предположим, что в этих строчках символически изображен финал великого житнетворческого акта, производящими силами которого в равной степени являются как Добро, так и Зло. И потому картина прекрасна, исполнена умиротворяющего чувства, носит катарсический характер: яркий свет звезд померк, блеск их копий-лучей истаял, роса пала на землю, словно слезы умирающих звезд. Этот акт житнетворчества логически ведет к поражению мира мертвой гармонии Уризена, воплощением враждебной силы которого у Блейка являются “копьё звезд”.

При таком множестве прочтений символических подтекстов стихотворения невозможно однозначно очертить и фигуру повествователя.

Первая версия: повествователь – дитя. Его вопросы требуют ответов, он смотрит на творца, как на взрослого, который всегда прав. Тогда пятая строфа лишена сарказма, более того, она начинает звучать трагически-обиженно. Отвечает этому предположению и заклинительный характер первой и последней строф. Время легко трансформировало древние сакральные ритуалы в детские игры. Начальные строки стихотворения напоминают детскую считалочку, где Тигр – уже условный атрибут игры, не страшный в силу своей условности. Ребенок, познающий мир, соседствует с ребенком, играющим в сотворение мира, как соседствуют в поэзии Блейка два плана – реальный и символический.

Версия вторая: повествователь-судья (Бог – создатель, Тигр – творческая энергия, художник – тоже демиург, а, значит, имеет право судить) Эта идея в наибольшей степени выражает еретический дух блейковской поэзии и, вероятно, ближе к истине.

Третья версия – повествователь – философ, медитирующий о вечных истинах. Но если счесть “Тигра” – стихотворением-размышлением, то необходимо отметить, что медитация здесь чрезвычайно экспрессивна и риторически оформлена, что разрушает традиционное представление о спокойном тоне медитативных жанров. Блейк и здесь еретик.

Основной ритмический образ стихотворения созревает во второй, третьей и четвертой строфах, где дано изображение самого процесса творения Тигра. Количество слогов, с гласными “e” и “a” возрастает:

2. dare, aspire, hand, dare

3. when, began, dread, hand, dread

4. hammer, chain, brain, anvil, dread grasp, dare, deadly, terrors, clasp

Это дает ощущение учащающихся ударов молота (сердца), нарастание напряжения. Поддерживают тонус постоянно появляющиеся вопросы, требующие голосового каданса. Дифтонги рифмующихся слов в ключевой пятой строфе дают некоторое спадение напряжения, но одновременно вносят пронзительную, требовательную ноту в медитативные интонации строфы. Финал четвертой строфы – высшая смысловая и интонационная точка фрагмента, рисующего процесс сотворения Тигра. Ритмическая организация стихотворения, как мы видим, является немаловажным элементом его поэтики.

В заключение мы предлагаем наш перевод исследуемого стихотворения Блейка.

THE TYGER

Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye
Could frame thy fearful symmetry?

In what distant deeps or skies
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?
What the hand dare seize the fire?

And what shoulder, and what art,
Could twist the sinews of thy heart?

And when thy heart began to beat,
What dread hand? and what dread feet?

What the hammer? what the chain?
In what furnace was thy brain?
What the anvil? what dread grasp
Dare its deadly terrors clasp?

When the stars threw down their spears,
And water'd heaven with their tears,
Did he smile his work to see?
Did he who made the Lamb make thee?

Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye,
Dare frame thy fearful symmetry?

ТИГР

Тигр, о Тигр, огонь ночной,
Грозный блеск во тьме лесной,
Создал кто твой образ страстный,
Столь пугающе прекрасный?

В безднах неба иль земли
Пламень этих глаз зажгли?
Что за дух простер крыла?
В чьих руках огонь пылал?

Чья искусная десница
Повелела сердцу биться?
Кто, могучий, закрутил
В узел столько крепких жил?

Что за грозный горн ковал
Сердца этого металл?
Чьею властной рукой
Покорен огонь живой?

А когда омыл восток
Звездных слез святой поток,
Был ли рад великий гений,
Увидав свое творенье?

Неужели агнец милый
И жестокий зверь лесной
Рождены одною силой,
Мощной волею одной?

Тигр, о тигр, огонь ночной,
Грозный блеск во тьме лесной,
Кто дерзнул создать твой страстный
Лик пугающе прекрасный?

Литература.

1. В записных книжках А. Блок писал: “Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов” (А. Блок. Записные книжки”, М., 1965, с.84)
2. “the flat earth becomes a ball” – процитировано стихотворение “Путем духовным” (У. Блейк “Песни Невинности и Опыта”, С-Пб, Северо-запад”,1993.- с 220.)
3. (У. Блейк “Песни Невинности и Опыта”, С-Пб, Северо-запад”,1993.- с 179.)
4. “O! No never can it be” (У.Блейк “Песни Невинности и Опыта”, С-Пб, Северо-запад”,1993.- с 72.)
5. Raine,Kathlin. Blake and Tradition, 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1968.
6. Эта точка зрения представлена в работе Хазарда Адамса “Читая лирику Блейка. “Тигр” Adams, Hasard. “ Reading Blake’s Lyrics:’The Tiger’. “ Texas Studies in Literature and Language, 21960; 18-37
7. М. Булгаков “Мастер и Маргарита”, Алма-Ата: “Жалын”,1988,-с.284.

ИНТЕРФИКСАЦИЯ В ЯЗЫКЕ 90-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ГАЗЕТ)

Хоменко Е.В.,

*старший преподаватель кафедры русского языка
Камчатского государственного педагогического университета*

Последние десятилетия отмечены бурным обогащением словарного состава русского языка. Новые слова активно входят в нашу речь, отражая новые понятия и явления окружающей действительности. Возможности исследования здесь широки: пополнение лексики может служить материалом как для изучения путей развития языка, его связей с обществом, так и для исследования морфемной структуры новообразований.

Цель данной работы - определить, в каких словообразовательных типах сейчас продолжают активно использоваться интерфиксы. Материалом для исследования послужил язык современной периодической печати, так как газета не только “самый чуткий регистратор новых образований, значений и употреблений слов и словосочетаний” (1, с.222), но и “творец таких образований”(4, с.48).

Наблюдения показывают, что активность интерфиксальной модели по сравнению с моделью безинтерфиксной проявляется, как и в предшествующие десятилетия, при словопроизводстве отсубстантивных имен лиц с суффиксами *-ец-* и *-ник-* и отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-ск-* и *-н-*. Наиболее продуктивны в названных словообразовательных типах интерфиксы *-ов-* и *-ш-*.

Рассмотрим сферу действия интерфикса *-ов-* в отсубстантивных именах лиц с суффиксом *-ец-*.

1.Активнее всего образования этого типа создаются от аббревиатур различного строения и сложносокращенных слов с основами на твердые согласные:

СОБР- собр-ов-ец, ФБР- фэбээр-ов-ец, ЦМШ - цэмш-ов-ец, МЧС -эмчээс-ов-ец, ИТР - итээр-ов-ец, НХЛ - энхаэл-ов-ец, МК - эмк-ов-ец (ср. прилагательное образуется по иной модели: *МК + интерфикс -ш- + суффикс -н- = МК-ш-ный*. (...) личная преданность “МК”-шным поддавам сделала свое дело (Московский комсомолец, 29.03.00), *МУР - мур-ов-ец, ГУМ - гум-ов-ец, ГАЗ -газ-ов-ец, ГУЛАГ - гулаг-ов-ец, физтех - физтех-ов-ец, интурист - интурист-ов-ец, избирком - избирком-ов-ец, спецназ - спецназ-ов-ец, стройбат - стройбат-ов-ец, МАР - мар-ов-ец, МИКОМ - миком-ов-ец, ИНДЕМ - индем-ов-ец, ВИД - вид-ов-ец и др.*

Вот примеры употребления некоторых производных этого типа: (...)”цэмшовцу” и невдомек, что есть на свете школы, соответствующие их предназначению быть Храмами Искусства (Парламентская газета, 17.02.00);

Сил итэеровцев хватит, чтобы продержаться ночную смену (Известия, 7.12.99); (...) по итогам 1998 года 79-е место досталось русскому энхаэловцу Сергею Федорову (Изв., 7.03.00); Новорожденный эмковец оказался здоровячком(...) (МК, 15.03.00); (...) в день приезда Путина “газовцам” выплатили зарплату (Изв., 22.03.00); В итоге собрали команду фактически из бывших физтеховцев (Изв., 22.01.00); (...) основная интрига развернется вокруг кресла председателя правительства, на которое сегодня претендуют минимум 4 человека - (...) минфиновец Алексей Кудрин(...) (МК,28.03.00);

В рядах *избиркомовцев* (...) единого мнения насчет нарушения не сложилось (МК, 18.02.00); (...) само объединение вряд ли можно считать равноценным для обеих сторон: из 61 “*маровца*” в новую структуру перешли 50 (...) (Изв., 21.12.99); В совете директоров компании уже сегодня вовсе верховодят “*микомовцы*” (...) (Изв., 13.01.00); (...) *индемовцы* ожидали, что равенство сил установится на уровне 15-17% (...) (Изв., 21.12.99).

В данной группе слов особняком стоит слово *интуристовец*, при образовании которого наблюдается интересное явление, обусловленное, на наш взгляд, аналогическим действием интерфиксации. Иллюстрация из газеты: О том, что именно я устраиваюсь здесь на постой, *интуристовцы* громко сообщали друг другу как безусловно радостную весть (Изв., 1.04.00).

Закрепившись в именах лиц, образованных от сложносокращенных слов с основами на твердые согласные, обозначающих разного рода учреждения, организации (Мосфильм - мосфильм-ов-ец, “Еврошопп” - еврошопп-ов-ец, бундеслига - бундеслиг-ов-ец), интерфикс -ов- в сочетании с суффиксом -ец- под воздействием аналогии стал применяться даже в тех словах, которые уже содержат значение лица, выраженное другим словообразовательным формантом (в данном случае суффиксом -ист-). В слове *интур-ист-ов-ец* обнаруживаются 2 суффикса с одинаковым деривационным значением: -ист- и -ец-. Подобные слова отмечены и в устной речи. Вот примеры из устной речи учащихся г. Петропавловска-Камчатского: Вчера после дискотеки была потасовка. Сказали, что в ней ранили какого-то *тинэйджеровца*; К нам в поселок на поселение привезли *зековцев*.

Таким образом, под аналогическое воздействие моделей с интерфиксами стали попадать слова, уже включающие суффиксы лица.

Изменения социально-политического устройства общества (исчезновение однопартийности и возникновение многопартийности) породили целую серию дериватов со значением “лицо по принадлежности к партии, политической группировке, движению”. Вот несколько примеров из газет: (...) список РОС примечателен не только велосипедами первого номера. У *росовцев* более густо, чем у прочих, заполнена графа “Другие транспортные средства” (Изв., 7.12.99); (...) кандидат в мэры *элдэпэровец* Алексей Митрофанов заявил, что Лужков выразил готовность принять и разместить в столице беженцев из Чечни (МК, 14.12.99); Возвращение в зал заседаний “*овээровцев*”, “*эспээсовцев*” и “яблочников” прошло тихо (...) (Изв., 10.02.00); С мизерным рейтингом *эндээровцев*, для “медведей” это, как говорится, “собаке пятая нога” (Изв., 23.03.00); Чернокожие в Череповце - большая редкость, визуально “вычислять” евреев *эрэнэсовцы* пока не научились (Изв., 15.06.00).

Нередко неологизмы, образованные от буквенных аббревиатур, пишут на страницах газет иначе: аббревиатура пишется заглавными буквами, а все остальное (интерфикс, суффикс, окончание) - строчными. Некоторые иллюстрации: *ОВРовец* Валерий Рязанский обыграл “яблочника” Валерия Борщева (МК, 22.12.99); “Слава России!” - так приветствуют друг друга череповецкие *РНСовцы* при встрече (Изв., 15.06.00); (...) третье место в этой социологической гонке занял *НДРовец* Владимир Рыжков (МК, 12.01.00).

При таком написании новообразований “соотносительность между производящей и производной основами выступает более наглядно, а это очень важно для четкости понимания производного слова” (3, с.119). Такое написание демонстрирует черты агглютинативности в словообразовательной системе русского языка, когда деривационный формант как бы “приклеивается” к производящей основе посредством интерфикса, минуя при этом всякого рода чередования на морфемном шве.

Активизация дериватов со значением “лицо по принадлежности к учреждению” обусловлена социальными причинами.

В последнее время образовано много новых организаций по борьбе с организованной преступностью (РУБОП, РУОП, ГУБОП), с экономическими преступлениями (ОБЭП, УЭП, УБЭП), с незаконным оборотом наркотиков (ОНОН). Имена лиц, образованные от этих аббревиатур, все чаще появляются в официальных сводках на страницах газет, встречаются они и в речи тележурналистов. Приведем несколько иллюстраций из газет: *Губоповцам* удалось установить личность полевого командира, руководившего казнью (...) (МК, 22.03.00); Посредники направились в здание банка, на встречу с клиентами, но там их уже ждали *рубоповцы* (МК, 22.01.00); *РУОПовцы* будут активно использовать агентурную информацию (...) (МК, 10.08.00); Морозным зимним утром на железнодорожную товарную станцию “Кунцево-2” прибыла делегация из милиционеров-убэповцев (МК, 21.01.00); *Обэповцы* считают “оперативный эксперимент” (...) единственно надежным способом посадить взяточника (МК, 28.07.00); Однажды *ононовцы* задержали ветерана войны, увешанного медалями (...) (МК, 21.06.00).

2. В настоящее время в сферу словопроизводства активно вовлекаются собственные имена лиц наших современников. Это явление подтверждает тезис М.В.Панова (5, с.27) о росте личностного начала в современном словопроизводстве как характерной черте нашего времени.

В качестве производящих основ выступают фамилии как отечественных, так и зарубежных политических и общественных деятелей. Приведем примеры употребления некоторых производных этого типа: Козак - человек, который вышел из команды Чубайса, хотя и не чистый “чубайсовец” (Изв., 21.01.00); Нынешние кремлевские чиновники явно сделали вывод из опыта *гайдаровцев* (...) (Изв., 2.02.00); (...) с маленькими детьми *асахаровцы* общаются охотно (Изв., 26.02.00).

От основ на -о имена лиц образуются столь же легко, как и от основ на согласные, что облегчается явлением интерфиксации (конец производящей основы объединяется с началом интерфикса -ов). (...) нашлись добрые американские дядя и тетя (дядя притом *антикастровец* и политэмигрант) (Изв., 4.05.00);

Если все посчитать, то выходит около (...) 29 *кириенковцев* (МК, 28.12.99).

Некоторые из новообразований имеют иронический оттенок. Так, последователей, сторонников Чубайса наряду со словом “чубайсовцы” называют “чубайсятами” (ср. в литературном языке суффикс -ят- характерен для существительных со значением незрелости : зверята, октябрята).

Газета “Московский комсомолец” пишет: (...) ушли два президента, не пересчитать, сколько правительств сменилось - от “чубайсят” до Примакова (...) (1.03.00). То, что слово дано в кавычках, свидетельствует о его неузуральности.

3. В русском литературном языке существительные со значением “житель местности, названной мотивирующим словом” обычно создаются при помощи суффиксов -ан(-ян-), например, волжане, северяне (2, с.104).

Наши материалы показывают, что для словопроизводства имен жителей активно используется суффикс -ец-, который присоединяется к производящей основе с помощью различных интерфиксов, чаще всего посредством интерфикса -ов-. Несколько иллюстраций: *Артемовцы* недовольны банкротством родного города (Изв., 1.06.00); Представители администрации Московской области поздравили новорожденных горожан-пересветовцев (МК, 4.05.00); По мнению кузбасского губернатора, высказанному в прямом радиобращении к *кузбассовцам*, “если лидер провалился- должен выдвигаться другой” (Изв., 20.01.00); *Мирновцы* потихоньку в этот сад все свое хозяйство перенесли (...) (Изв., 1.08.00) (ср. со словом *мирнинцы*, зафиксированным в 60-е годы с интерфиксом -ин-) (6, с.50).

Реже от названий населенных пунктов образуются имена жителей с интерфиксами -ан-, -ин-, -ий-. Например: В 1976 году в Крыму демобилизовался двадцатичетырехлетний

улан-удинец Владимир Алексеев (Изв.,25.02.00); Иные *аляскинцы* своими руками (...) сколачивают такой воздушный транспорт (МК, 22.01.00).

Нередко интерфиксация способствует вовлечению в русское словопроизводство иноязычных топонимов. Приведем примеры: (...) *мьянманец* Хун Хун Тан (...) за каких - то полгода разжился сразу 100 единицами эло (Изв.,15.03.00); В один из дней операции из знаменитого бишкекского поезда (...) милиционеры извлекли сразу 34 *ширланкийца* (Парламентская газета, 2.03.00).

4.Под воздействием аналогии наименования лиц с суффиксом -ец- и интерфиксом -ов- начинают образовываться от названий фирм, фондов, магазинов, заводов, стадионов, телепередач и т.д. Вот несколько примеров из газет: Схему преступления можно проследить на примере фирмы “Триал”. Охранники в “Пекине” подтвердили худшие предположения “*триаловцев*” (...) (МК, 4.02.00); Первыми тревогу забили *гринписовцы* (Изв., 11.02.00); Осенью люди из “Росбилдинга” скупили долг поставщика универсама “Вешняки” в сумме 70 тысяч рублей. “*Вешняковцы*” узнали об этом три месяца спустя (МК,16.06.00); В знак протеста “*кристалловцы*” покинули заседание (МК, 21.06.00); *Аумовцы* реагируют на все это спокойно (...) (Изв.,26. 02.00); (...) от лидерских позиций - Шумахера в личном зачете и “Феррари” в Кубке конструкторов - с каждым этапом “*маклареновцы*” отстают все больше и больше (МК, 11.04.00); (...) не забывайте про теплые отношения председателя совета директоров лужниковцев Владимира Алешина и мэра Москвы Юрия Лужкова (МК, 16.03.00).

Интересное явление, впервые отмеченное Е.А. Земской, обнаруживается при образовании новых производных от собственных имен, омонимичных нарицательным. “Так, - пишет Е.А. Земская, - многие нарицательные существительные, не образующие производных, попадая в разряд имен собственных - становясь названиями городов, поселков, учреждений и т.п., получают способность давать производные с помощью интерфиксов, посредством которых суффикс присоединяется к основе, ранее лишенной производящей силы в словообразовании”(3,с.126). Например, от названия телепрограммы “Аншлаг” легко образуются производные, а от нарицательного слова аншлаг производных нет. Проиллюстрируем сказанное примером из газеты “Аргументы и факты”: А сами “*анилаговцы*” новых форм не ищут (...), вся “*анилаговская*” компания уже отправилась в очередной летний круиз(29.07.00).

“ В 90-е годы продолжается отмечавшаяся ранее тенденция к активному производству относительных прилагательных, служащих для выражения отношений разного рода”(7,с.124). Значительная часть подобных новообразований производится по интерфиксальной модели: производящая основа + интерфикс (-ов-(-ев-); -ин-) + -ск-. Данный словообразовательный тип дает наибольшее количество производных и в нашем материале. Систематизируя собранный языковой материал по лексико-семантическому характеру производящих основ, мы выделили 6 групп дериватов, образованных от:

- имен и фамилий отечественных и зарубежных деятелей;
- сложносокращенных наименований;
- аббревиатур;
- названий фирм, фондов;
- нарицательных существительных с исходом на твердые согласные;
- топонимов.

Так же, как и в языке 60-70-х годов, в конце 20-го века производные с суффиксом -ск- и интерфиксом -ов- широко образуются от аббревиатур, сложносокращенных наименований, от фамилий известных лиц - политиков, тележурналистов, писателей, режиссеров, актеров, певцов и т.д. Этот факт свидетельствует о том, что “современное словообразование имеет ярко выраженный антропоцентрический характер”(7,с.138). Несколько иллюстраций

употребления таких прилагательных: (...) если шойговский блок “Медведь” слеплен “из того, что было”, то СПС имеет не только свою программу, но и возможности ее продвинуть (МК,14.01.00); Комментируя для “Известий” киреенковский шаг, Ирина Хакамада назвала его “оправданным” (...) (Изв.,14.03.00); (...) античубайсовские утечки из Кремля говорят о том, что люди не слишком уверены в ситуации (МК, 27.01.00); (...)финальному телепредставлению предшествовала бесконечная череда публичных танцулек, на которых двое из правого ларца, одинаковы с лица, так заигрывались, что давали Невзорову основание демонстрировать шелковые немцовские трусы и полную хакамадовскую безответственность (Изв.,24.12.99); Татьяна Винникова раскрыла маленький такой секрет лукашенковского социализма (МК, 2.02.00); Тот, кто превратил тележурналистику в телеспецназ - доренковское творчество (Изв.,12.08.00); Сейчас к полпреду бросились все, кому не досталось росселевского пирога (Изв.,24.10.00); После того как бесславно издох “Мужской клуб”, воцарилась долгая пауза, закончившаяся лишь с появлением фоменковских “Экстремальных ситуаций”(МК,23.06.00); О концептуально-непромытой а-ля лагутенковской челке уже не судачат (МК,5.04.00).

Не менее продуктивны в современном русском языке интерфиксальные прилагательные, образованные от аббревиатур и сложносокращенных слов.

Это объясняется, на наш взгляд, тем, что “аббревиация из технического приема, скромно и безвестно существовавшего на окраинах литературной речи, превратилась в активнейший словообразовательный способ”(6,с.66). Для обозначения огромного количества новых реалий в языке 90-х годов наиболее широко используется аббревиация и сложносокращенные слова. И вполне естественно, что каждая новая аббревиатура и сложносокращенное слово тут же порождает относительное прилагательное. Несколько иллюстраций: РУОПовский фонд процветал вплоть до ухода Рушайло (МК,31.03.00); ВЦИОМовские эксперты склонны считать, что скорее тут “вина” средств массовой информации (МК, 3-10.02.00); И другому представителю Госдумы ненароком повезло отметить на карте Москвы - КПРФовскому товарищу Лукьянову (МК,4.08.00); Лидеры “Всей России” указывают на явные преимущества создания нескольких овээрских фракций (Изв., 23.12.99); Мы платим все налоги. В этом плане наши, мосавтолегтрансовские, предприятия самые законопослушные (МК, 21.06.00); (...) у “гор-мостовских” ларьков нет системы пожаротушения, а у “метрополитеновских” есть (МК,15.08.00); По новым минпечатовским правилам участие в конкурсе за ТВЦ стоит один миллион долларов (МК, 11.03.00); При наличии “комкоровских” сетей появляется возможность вести полную видеотрансляцию пленарных заседаний Госдумы (Парламентская газета, 17.02.00). Последний пример свидетельствует о появлении омонимии словообразовательных элементов: ком- до середины 80-х годов обозначал “коммунистический”, а сейчас может обозначать “коммерческий” или “компьютерный”.

Имеющийся языковой материал позволяет говорить о том, что в языке 90-х годов прилагательные от любых названий учреждений, обществ, фирм, стадионов, издательств и т. д. образуются, как правило, с помощью интерфикса -ов- и суффикса -ск-. Вот еще несколько иллюстраций: На скромном же Южном спортивном ядре дужниковского стадиона в первый день чемпионата Москвы не ждали особых достижений (Изв., 13.07.00); Что включено в вагриусовский сбоничек? (Изв.,25.07.00); (...) у акросовского СТР “Эссо” остановился главный двигатель (Рыбак Камчатки, 13.01.00); Вывести в ноль менатеповскую сеть товарищам из Санкт-Петербурга удалось лишь сейчас (Изв., 18.02.00); (...) типовой эксимеровский договор меня несколько смутил (Изв.,25.02.00); (...)по внутренним лукойловским расценкам нефть стоит от 900 до 1400 рублей за тонну (МК,7.12.99); Во время обычного конкордовского рейса 80% пассажиров - бизнесмены (...) (1.08.00);

Экспертиза наугад выбранных товаров дала шокирующие результаты - 70% (!) образцов, маркированных фирменным “проктеровским” значком, оказались поддельными (МК, 7.09.00).

В русском языке конца 20 века наблюдается рост продуктивности 2-х словообразовательных типов с интерфиксом -ш-. Назовем их:

- отсубстантивные существительные с суффиксом -ник-, обозначающие наименования лиц;

- отсубстантивные прилагательные с суффиксом -н-, обозначающие признак, относящийся к предмету, названному мотивирующим словом.

Если раньше производные с интерфиксом -ш- находились за пределами строго нормированного языка, употреблялись преимущественно в просторечии и устной разговорной речи, то в 90-е годы они активно проникают в язык газет, теряя при это в некоторых случаях стилистически сниженную окраску. Приведем примеры употребления таких слов: Мне приятно сотрудничать и с “Коммерсантом”, и с *оэртэшниками* (...) (Изв., 17.03.00); Уже был случай, когда *НТВшникам* на ГТРК в Хабаровске предложили перегнать в Москву репортаж о взрыве дома на час позже РТР (МК, 17.02.00); Основной удар коллектив *оэс-пешников* делает не на рекламе кожаных одежд, а на сериале “33 квадратных метра” (МК, 24.02.00); (...) с появлением вельможных чиновников жители вдруг принялись жаловаться на отвратную мобильную связь. Грешат при этом в основном на *ФАПСИшников* (МК, 16.08.00); По утверждению ветеранов 9-го управления КГБ, перед поездкой в Питер на погребение Анатолия Собчака *ФСОшники* скорее всего получили некие агентурные подтверждения реально готовящегося покушения (МК, 25.02.00); Дорогие товарищи *ГИБДДшники*, попадетс я вам главная надежда российского тенниса- уж будьте снисходительны(...) (МК, 15.02.00). Многие из этих слов лишены, на наш взгляд, эмоционально-экспрессивной окрашенности и не указывают на положительное или отрицательное отношение говорящего к высказываемому.

Подобные новообразования очень продуктивны, потому что удобны своей краткостью, позволяют “свернуть” многословное наименование (*агент отдела собственной безопасности, работник узкоколейной самоходной электростанции, сотрудник Московской межбанковской валютной биржи*) в одно слово (*оэсбэшник, ЭСУшник, ММВБшник*). Примеры употребления этих слов: *Служба у оэсбэшников не сахар*(МК, 23.10.00); *Разъяренный ЭСУшник вскакивает в свою дрезину и уезжает в гараж* (МК, 23.10.00); *В общем, ММВБшников пару часов футболили из одного кабинета в другой* (МК, 24.00).

Как и в предшествующие периоды развития русского языка, дериваты с интерфиксом -ш- образуются от буквенных и звуковых аббревиатур с исходом на гласные: *ФАПСИ - фапсиш-ник, ФСО - ФСОш-ник, ФСБ - фээс-бэш-ник, ГРУ - ГРУш-ник, ГБ - гэбэш-ник, ВВ - вэвэш-ник* (Ср. в производных, образованных от звуко-буквенных аббревиатур с исходом на согласные, суффикс -ник- присоединяется к производящей основе без интерфикса -ш-: *РДС - эрдээсник, ДПС - ДПСник, ППС - пэпээсник, СЭС - сэс-ник*. От названных производящих основ потенциально можно образовать интерфиксальные производные, но с суффиксом -ец-: *ДПС - ДПС-ов-ец, РДС- РДС-ов-ец*. Можно сказать, что интерфикс -ш- с суффиксом -ник- и интерфикс -ов- с суффиксом -ец- находятся в позиции дополнительной дистрибуции). Примеры функционирования данных производных: *Тут же Аркадий Мамонтов на РТР доверительно передал москвичам пожелания неких инкогнито фээсбэшников* (МК, 10.08.00); *Вас не смущает, что нынешний глав государства бывший гэбэшник* (МК, 9.06.00); *Когда через много часов вэвэшники отходили с горы, Женя был еще жив* (МК, 25.05.00); *Даже когда эрдээсники по всей России перестали возвращать вкладчикам выманенные у них деньги, Федеральная комиссия сочла возможным выдать РДС разрешение на продолжение “селенгирования”*(Изв., 2.02.00); *Пэпээсники тоже умеют бегать* (*Частная жизнь, №24.2000*); *При тесном взаимодействии с ДПСниками, которые*

должны расчищать место посадки, садиться безопасно (МК,4.02.00); Сейчас торговцев в переходах “замучили проверками”. Чуть ли не каждый час наведывается милиция, заглядывают участковые, сэсники (МК,15.08.00).

От этих же аббревиатур с помощью интерфикса -ш- легко образуются прилагательные с суффиксом -н-. Некоторые иллюстрации: Воспитательница, руководящая *ГИБДДшным* шоу, предлагает малышам задание: “Превратите геометрические фигуры в дорожные знаки!” (МК, 29.03.00); (...)выбор нового ведущего может показаться стратегически верным для передачи, стремящейся говорить о культуре бодро, складно, умно, прагматично - в *энтэвэшной* телеманере (Изв.,9.06.00); Тем временем вся семья отказалась участвовать в *ОРТ-шном* “Голубом огоньке” (...) (МК,10.12.99); Пока “на горизонте” в качестве потенциальных покупателей маячат Внешторгбанк и группа “Альфа” (банковская, а не *ФСБшная*) (МК,26.05.00); Лучшим сериалом так и остаются *оэспэшные* “33квадратных метра” (Изв.,9.06.00); Просто у нас много друзей в милицейской среде - нормальных, здравомыслящих людей, которые не подписывались служить шутами в свите *эмвэдэшных* королей (МК,24.07.00).

В 60-70-е годы прилагательные с суффиксом -н- активно образовывались от основ несклоняемых существительных с исходом на -е, -и. В этих производных наиболее продуктивным был интерфикс -й-(3,с.124). В нашем языковом материале мы обнаружили единичный пример с данным интерфиксом: *ралли* - *ралийный* (... в течение всего дня по специальному треку будут носиться уменьшенные копии знаменитых болидов “Формулы 1”, багги, *раллийных* автомобилей (МК,24.06.00)). Однако мы не можем делать вывод о малопродуктивности производных от основ несклоняемых существительных с интерфиксом -й-, поскольку языковой материал собирался в течение небольшого отрезка времени. Более объективные данные намерены получить после проведения языкового эксперимента.

Интересно по своей морфемной структуре неузואльное прилагательное *фазендарный*, встретившееся нам на страницах “Московского комсомольца”: Ковры из тысяч цветов, холмы феерических форм, образцовые огороды - в общем, все последние “*фазендарные*” достижения (МК,12.08.00). От заимствованного существительного *фазенда* со значением предметности журналист образует относительное прилагательное с суффиксом -н- и нерегулярным интерфиксом -ар- (ср. легенда - легендарный), хотя, на наш взгляд, предпочтительнее прилагательное *фазендовский*, так как именно суффикс -ск- с интерфиксом -ов- активно взаимодействует с основами на твердые согласные.

В отдельных случаях встречается интерфикс -ш- в уменьшительно-ласкательных существительных, образованных от аббревиатур с исходом на гласные при помощи суффикса -к- : “ВК-117” - *бэкашка*, РГД -*эргэдэшка* (ср. Ф-1 -*эфка* -без интерфикса). Иллюстрации из газет: Нам только “*эргэдэшки*” давали. “*Эфка*” лучше, конечно. А “*эргэдэшка*” ... Ну что это такое? (Сегодня, 6.12.99); (...) но летать на нашей “*бэкашке*” дети боятся (МК,4.02.00). Подобные новообразования широко употребляются в устной речи.

В 60-70-е годы интерфикс -ш- был продуктивен при образовании уменьшительно-уничижительных существительных от основ несклоняемых слов, которые оканчивались на гласные. Например, *киношка*, *доминошка*, *кафешка*, *эскимошка* (б,с.49).В нашем материале встретилось слово *фирмешка*, образованное по той же модели, что и приведенные выше примеры. Отличительная особенность нового производного состоит лишь в том, что оно образовано от склоняемого существительного и интерфиксом в слове является отрезок -еш-. В данном случае решающим фактором действия закона аналогии явился не характер производящей основы, а стилистическая близость производного *фирмешка* со словом *кафешка*. Экспрессивность данного деривата ярко обнаруживается в характере его употребления: Правда, и компанией-то особо назвать нельзя - так, обычная “бумажная”

фирмешка, кои в великом множестве незаметно плодятся и угасают по всему миру (МК,13.10.00); Все в наших руках. Вы создаете *фирмешку*... (МК,24.11.00).

Итак, тенденции развития современного словообразования обнаруживают большую и все возрастающую роль интерфиксации. В русском словообразовании конца 20 века рост интерфиксации нагляднее всего демонстрируется фактами именного словообразования.

Литература.

1. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М.,1973.
2. Грамматика современного русского литературного языка. М.,1970.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.,1973.
4. Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов// Советская лексикография. М.,1988.
5. Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики// Язык современной публицистики. М.,1988.
6. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка/Под ред. М.В. Панова. М.,1968.
7. Русский язык конца 20 столетия (1985-1995).М.,1996.

СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Сборник докладов межвузовской
научно-практической конференции

(21 декабря 2000 года)

Директор издательства Рязанцев А.Е.

Ответственный за выпуск Рязанцев А.Е.

Технический редактор Абаимова Т.А.

**Издательство Камчатского государственного
педагогического университета**

**683032 Петропавловск-Камчатский, Пограничная, 4.
тел. (415) 11-13-22**

Лицензия ЛР № 020387 от 12.02.97.

**Подписано в печать 08.05.01. Бумага типографская.
Гарнитура “Таймс”.
Тираж 450 экз. Усл. п.л. 2,9. Зак. 138.**